

ОЧЕРКЪ

ЭКОНОМИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ ПРИВИСЛИНСКАГО КРАЯ

СО ВРЕМЕНИ РЕФОРМЪ 1864 ГОДА ВЪ КРЕСТЬЯНСКОМЪ
БЫТУ, СРАВНИТЕЛЬНО СЪ ПРЕДШЕСТВУЮЩИМИ
ПЕРІОДАМИ XIX ВѢКА.

(Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ Императорскаго Варшавскаго Университета 30 августа 1874 года, орд. профессоромъ политической экономіи и статистики Симоненко *)).

Милостивые Государи!

Минуя очередь, обыкновенно соблюдаемую при произнесеніи актовыхъ рѣчей, Совѣту Университета угодно было въ этомъ году возложить на меня лестную обязанность, занять Ваше благосклонное вниманіе бесѣдою о такомъ предметѣ, который имѣлъ бы не одно только научное, но также и мѣстное значеніе, могущее возбудить къ себѣ интересъ во всѣхъ, почтившихъ своимъ присутствіемъ наше сегодняшнее университетское празднество. Такимъ предметомъ, безспорно, можетъ служить вопросъ объ экономическомъ развитіи здѣшняго края за послѣдніе годы, сравнительно съ предшествующими періодами XIX вѣка. Въ этомъ году минуло десять

*) Рѣчь печатается здѣсь въ томъ видѣ, какъ она была произнесена. Болѣе подробное изслѣдованіе о томъ же самомъ предметѣ со всѣми статистическими таблицами и приложеніями будетъ помѣщено въ слѣдующихъ нумерахъ „Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстій“, а также выйдетъ и отдѣльною книгою.

лѣтъ со времени великихъ реформъ въ земледѣльческомъ быту страны, и потому въ настоящее время въ высшей степени интересно прослѣдить, какое вліяніе эти реформы произвели на развитіе здѣшняго края.

При всемъ интересѣ, какой можетъ представлять разсмотрѣніе подобнаго вопроса, нельзя не замѣтить, что изслѣдованіе его, хотя бы даже въ самыхъ общихъ основаніяхъ, сопряжено съ громадными трудностями. При отсутствіи въ здѣшнемъ краѣ специальныхъ органовъ официальной статистики и при крайней бѣдности здѣшней неофициальной статистической литературы, о многихъ сторонахъ экономической и общественной жизни нѣтъ возможности получить обстоятельныхъ статистическихъ данныхъ за большую часть лѣтъ и потому приходится нерѣдко дѣлать выводы и заключенія только по цифрамъ за тѣ немногіе годы, за которые представляетъ указанія здѣшняя статистическая литература, дополняя ихъ, по возможности, данными, почерпаемыми изъ неизданнаго еще официального статистическаго матеріала.

Первую самую важную отрасль народнаго производства составляетъ почти вездѣ сельское хозяйство. Ему обыкновенно посвящается самая большая часть рабочихъ рукъ въ странѣ и оно создаетъ наибольшую часть экономическихъ цѣнностей. Въ здѣшнемъ же краѣ сельское хозяйство имѣетъ тѣмъ болѣе важное значеніе, что всѣ здѣшнія десять губерній представляютъ характеръ страны по преимуществу земледѣльской. Поэтому для оцѣнки экономическаго прогресса здѣшняго края за послѣдніе годы важнѣе всего знать, сдѣлало ли въ немъ въ это время существенные успѣхи сельское хозяйство?

Объ успѣхахъ сельскаго хозяйства каждой страны можно судить преимущественно по слѣдующимъ тремъ признакамъ: во 1-хъ, по увеличенію пространства пахатной земли; во 2-хъ, по увеличенію количества продуктовъ, собираемыхъ съ этого пространства; въ 3-хъ, по увеличенію количества скота. Посмотримъ, двинулось ли здѣшнее сельское хозяйство впередъ въ послѣднее время, судя по этимъ тремъ признакамъ?

По сравненію официальныхъ данныхъ, обнародованныхъ на польскомъ языкѣ г. Вольскимъ въ 1860 году, съ данными, сообщаемыми въ „Статистикѣ Царства Польскаго“, изданной въ прошломъ

году здѣшнимъ Интендантскимъ Вѣдомствомъ, въ послѣднее десятилѣтіе количество пахатной земли увеличилось почти на $\frac{1}{2}$ миліона десятинъ; между тѣмъ какъ, судя по цифрамъ за 1846 годъ, помѣщеннымъ въ „Etudes sur les forces productives de la Russie” Тенгоборскаго, въ теченіи 15-ти лѣтъ, предшествующихъ 1859 году, пахатная земля увеличилась только на 200 тысячъ десятинъ, слѣдовательно менѣе чѣмъ на половину того количества, на которое она увеличилась въ послѣднее десятилѣтіе. Неудивительно поэтому, что въ столь же значительной степени возрасла въ послѣднее время и хлѣбная производительность края. По среднему выводу за четырехлѣтіе пятидесятихъ годовъ изъ цифръ, приводимыхъ Вольскимъ, ежегодный сборъ зерноваго хлѣба состоялъ изъ 13 миліоновъ четвертей и картофеля изъ 9 миліоновъ. По среднему же выводу за пятилѣтіе, оканчивающееся 1872 годомъ, ежегодный урожай хлѣба простирается до $20\frac{1}{2}$ миліоновъ четвертей и картофеля около 19 миліоновъ. Слѣдовательно, ежегодный сборъ хлѣба увеличился въ теченіи послѣднихъ 12 лѣтъ больше чѣмъ на 56,5%, а ежегодный сборъ картофеля удвоился. Между тѣмъ какъ въ предшествующій этому 14-лѣтній періодъ съ 1846 по 1860 годъ сборъ зерноваго хлѣба увеличился менѣе чѣмъ на 36%, а картофеля только на 18,3%. Мы не сравниваемъ теперешняго періода съ періодомъ еще болѣе раннимъ, съ 1829 по 1840 годъ, когда хлѣбная производительность страны въ теченіи 11-ти лѣтъ, по видимому, даже совсѣмъ не возрасла.

Увеличеніе ежегодно собираемаго количества хлѣба мало бы еще доказывало успѣхи земледѣлія, если бы вмѣстѣ съ тѣмъ не было замѣтно увеличенія и относительнаго количества хлѣба, т. е. сравнительно съ цифрой народонаселенія. Не смотря на то, что въ послѣднее десятилѣтіе народонаселеніе сильно возрасло, именно съ 4,840,000 въ 1860 году дошло до 6,300,000 въ 1872 году, тѣмъ неменѣе средства продовольствія, которыми располагаетъ здѣшній край, возрасли еще съ большей быстротой. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ на одного жителя приходилось зерноваго хлѣба въ среднемъ выводѣ 2,7 четверти, въ двадцатыхъ и сороковыхъ годахъ даже менѣе 2-хъ; въ настоящее же время приходится около $3\frac{1}{2}$ четвертей. Не менѣе значительно приращеніе относительнаго количества картофеля. Въ настоящее время на каждого жителя при-

ходится его въ среднемъ выводѣ болѣе 3-хъ четвертей; въ концѣ же пятидесятихъ годовъ приходилось менѣе двухъ четвертей.

Что касается скотоводства, то хотя въ десятилѣтіе, оканчивающееся 1870 годомъ, число крупнаго рогатаго скота увеличилось на 235 $\frac{1}{2}$ тысячъ головъ, но ежегодный процентъ приращенія его 1,2 нельзя назвать большимъ, такъ какъ онъ не многимъ превысилъ средній ежегодный процентъ приращенія его во весь предшествующій періодъ съ 1829 по 1860 годъ (1,1). А такъ какъ въ настоящее время народонаселеніе ежегодно возрастаетъ съ быстротою вдвое большею противъ прежняго, то это естественно должно было вызвать уменьшеніе въ относительномъ количествѣ рогатаго скота; въ 1860 г. на 100 жителей приходилась 41 штука крупнаго рогатаго скота; а въ 1870 г. только 37, что вызвало быстрое повышеніе цѣны на него. Съ 20-хъ и до 50-хъ годовъ относительное количество его было еще меньшимъ: отъ 35 въ 20-хъ годахъ до 30 и менѣе въ 40-хъ годахъ. Но при низкомъ уровнѣ народнаго благосостоянія въ то время и потому меньшемъ потребленіи мяса, а главное при высокой денежной валютѣ, цѣны на скотъ и мясо могли стоять низкими. Повидимому, не совсѣмъ въ благопріятномъ положеніи находится скотоводство въ помѣщичьихъ хозяйствахъ. Судя по officialнымъ даннымъ, имѣющимся для Варшавской губерніи, крестьяне не только обладаютъ болѣе большимъ количествомъ скота, чѣмъ помѣщики, но и самое ежегодное приращеніе цифры крупнаго рогатаго скота совершается у нихъ съ болѣею быстротою, чѣмъ въ помѣщичьихъ хозяйствахъ.

Если въ послѣднее время разведеніе крупнаго рогатаго скота совершалось въ здѣшнемъ краѣ съ недостаточной быстротою, то за то количество лошадей возрасло такъ быстро, какъ оно не возрастало, повидимому, во всѣ предшествующіе періоды: въ настоящее время средній ежегодный процентъ приращенія лошадей близокъ къ 3-мъ (2,7). За весь же предшествующій періодъ ежегодный процентъ едва превышалъ только 1. Вслѣдствіе этого теперь увеличилось не только абсолютное, но и относительное количество лошадей сравнительно съ предшествующими періодами.

Можно найти и нѣкоторые другіе, второстепенные признаки, которые тоже указываютъ на большіе успѣхи сельскаго хозяйства въ послѣдніе годы. Это видно напр. изъ чрезвычайно быстрого

возвышенія цѣны на землю. Съ 1806 года по 1858 годъ въ Варшавской губерніи цѣна земли ежегодно возрастала по $2\frac{1}{2}\%$; теперь же она возрастаетъ по $5\frac{1}{2}\%$. Въ 1806 году одна влока земли стоила въ среднемъ выводѣ 300 рублей, въ 1844 году 600 руб., въ 1858 году 900 руб., а въ 1871 г. 1545 рублей.

Если здѣшній край въ послѣднее время сдѣлалъ значительные успѣхи въ производствѣ сельско-хозяйственныхъ цѣнностей, то еще большіе успѣхи достигнуты имъ относительно правильнаго распредѣленія ихъ, наиболѣе обезпечивающаго благосостояніе большинства народонаселенія.

Въ 1859 году изъ сельскаго населенія, простиравшагося свыше $3\frac{1}{2}$ миліоновъ душъ обоюго пола, было поземельныхъ собственниковъ только $218\frac{1}{2}$ тысячъ, слѣдовательно 6% всего сельскаго народонаселенія. Изъ нихъ классъ крестьянъ собственниковъ былъ самымъ малочисленнымъ; къ нему принадлежало 22,000 человѣкъ, слѣдовательно только $\frac{1}{2}\%$ всего сельскаго народонаселенія. Остальное же сельское народонаселеніе состояло изъ 2-хъ миліоновъ крестьянъ, пользовавшихся землею на правахъ чиншевыхъ и барщинныхъ людей и изъ 1,400,000 крестьянъ, совершенно не пользовавшихся землею, батраковъ, поденщиковъ и дворовыхъ.

Отсюда ясно, до какой степени крайне неравномѣрно была распредѣлена не только поземельная собственность, но и самое пользованіе землею и въ какомъ слѣдовательно жалкомъ состояніи находилось большинство сельскаго народонаселенія здѣшняго края въ періодъ, предшествующій послѣднему десятилѣтію.

Изъ этого бѣдственнаго положенія вывелъ крестьянъ, какъ извѣстно, Высочайшій указъ отъ 19 февраля 1864 года. Въ силу сего указа, земли, находившіяся въ пользованіи крестьянъ, поступали въ полную ихъ собственность за извѣстное вознагражденіе, выданное помѣщикамъ въ видѣ ликвидаціоннаго капитала. Вслѣдствіе же указа отъ 21 апрѣля 1866 года, по возможности, надѣлены участками, изъ земель казенныхъ и церковныхъ, крестьяне, до тѣхъ поръ совершенно не пользовавшіеся землею.

До 19-го февраля 1864 года всего было крестьянскихъ усадебъ 342,500, пользовавшихся менѣе 6-и миліоновъ моргами земли на правахъ чиншевыхъ и барщинныхъ крестьянъ. Въ 1870 году было уже 572,000 крестьянскихъ усадебъ съ землею около 8 и миліо-

новъ морговъ, составляющихъ крестьянскую собственность. Кромѣ того, что большинство крестьянъ, не имѣвшихъ до тѣхъ поръ поземельной собственности или даже совершенно не пользовавшихся землею, сдѣлалось въ настоящее время собственниками, но самая цѣна на хлѣбъ и скотъ, а слѣдовательно доходность земли, какъ всѣмъ извѣстно, значительно увеличились. Несомнѣнно, что такого рода повышеніе цѣнъ на главные продукты сельскаго хозяйства останется не безъ благотворнаго глѣянія, съ одной стороны, на успѣхи сельскаго хозяйства, а съ другой, на возвышеніе благосостоянія большинства сельскаго населенія. Въ послѣднемъ отношеніи важно также и значительное возвышеніе въ послѣднее время заработной платы. Выгоды отъ быстрого возрастанія сельской производительности и цѣнности продуктовъ не сосредоточиваются теперь въ немногихъ рукахъ, какъ было до 1864 года, но обращаются въ пользу громаднаго большинства населенія здѣшняго края, разливая быстро матеріальное довольство въ массахъ населенія, посвящающаго себя земледѣльческому производству. По мѣрѣ возвышенія своего благосостоянія, крестьяне начинаютъ ежегодно скупать значительное количество земли у своихъ прежнихъ помѣщиковъ, увеличивая такимъ образомъ свою поземельную собственность, прочный фундаментъ для которой положенъ указами отъ 19 февраля 1864 г.

И такъ несомнѣнно, что благосостояніе большинства земледѣльческаго населенія въ здѣшнемъ краѣ возвысилось въ послѣднее десятилѣтіе въ громадной степени, сравнительно со всѣми предшествующими періодами. Между тѣмъ извѣстно, что на благосостояніе земледѣльческаго населенія опирается вездѣ, а въ земледѣльческихъ странахъ преимущественно, благосостояніе цѣлаго края и всякаго рода успѣхи цивилизаціи. Успѣхи въ благосостояніи земледѣльческаго населенія послѣ реформъ 1864 года составляютъ лучшую гарантію будущаго, здороваго, нормальнаго развитія здѣшняго края какъ въ матеріальномъ, такъ въ нравственномъ, умственномъ и общественномъ отношеніяхъ. Начало этого развитія можно замѣтить и теперь уже. Успѣхи земледѣлія и возвышеніе матеріальнаго благосостоянія земледѣльческаго класса, составляющаго самую значительную часть всего населенія края, естественно вызвало болѣе противъ прежняго запросъ на продукты городской промышленности и косвеннымъ образомъ со-

дѣйствовало благосостоянію городского населенія. Если, не смотря на громадное увеличеніе въ послѣднее время количества земледѣльческихъ продуктовъ не только абсолютнаго, но и относительнаго, цѣны на эти продукты чрезвычайно возросли противъ цѣнъ, бывшихъ на нихъ десять лѣтъ тому назадъ, то очевидно, что такое возвышеніе обусловливалось, прежде всего, возвышеніемъ общаго благосостоянія края.

Такъ какъ здѣшній край есть главнымъ образомъ земледѣльческій, то поэтому изъ различныхъ вѣтвей промышленности наиболѣе важное для него значеніе имѣютъ тѣ, которыя служатъ къ переработкѣ сыраго матеріала, доставляемаго сельскимъ хозяйствомъ. Эти именно вѣтви промышленности и сдѣлали наиболѣе успѣховъ въ послѣднее время. Такъ, сравнительно съ 1857 годомъ, относительно котораго имѣются въ здѣшней статистической литературѣ наиболѣе обстоятельныя данныя, въ послѣдніе годы особенно сильно увеличились производства мукомольное, кожевенное, свеклосахарное, пивоваренное и дистиллярное. Въ 1857 году паровыхъ мукомольныхъ мельницъ здѣсь почти не существовало. На весь край статистика указываетъ ихъ только 5, съ производствомъ недостижавшимъ суммы въ 300,000 рублей. Въ 1872 году число ихъ увеличилось до 68 съ производствомъ на сумму около 4 миліоновъ. Кожевенное производство доставляло въ 1857 году продуктовъ менѣе чѣмъ на 900,000 руб.; 15 лѣтъ спустя, т. е. въ 1872 году, оно доставляетъ ихъ на сумму около 4 миліоновъ руб. Свеклосахарное производство, не превышавшее въ 1857 году цѣнности $3\frac{1}{4}$ миліоновъ руб., въ 1872 году простирается на сумму свыше $8\frac{1}{2}$ миліоновъ. Пивоваренное производство, простиравшееся въ 1857 году только на сумму 620,000 руб., въ 1872 году доходить до суммы свыше 2 миліоновъ.

Нѣкоторыя изъ вѣтвей промышленности, бывшія 15 лѣтъ тому назадъ въ зачаточномъ состояніи, или которыхъ почти совсѣмъ не существовало, въ настоящее время производятъ продуктовъ на миліоны рублей; такъ, кромѣ указаннаго нами пароваго мукомольнаго производства, почти тоже самое можно сказать о фабрикахъ земледѣльческихъ орудій; о нихъ совсѣмъ не упоминается статистикой 1857 года; между тѣмъ въ 1872 году онѣ производятъ продуктовъ свыше 2 миліоновъ рублей.

Но есть одна очень важная вѣтвь промышленности и по цѣнности общей суммы продуктовъ, производимыхъ ею, и по вліянію ея

на самые успѣхи земледѣлія, которая за послѣднее время не только не сдѣлала какихъ бы то ни было успѣховъ, но напротивъ нѣсколько двинулась назадъ; это—винокурное производство. Медленность развитія винокуренія въ настоящее время зависитъ, впрочемъ, исключительно отъ введенія новаго акцизнаго устава, сдѣлавшаго менѣе выгоднымъ содержаніе мелкихъ винокуренныхъ заводовъ. Поэтому и ежегодное уменьшеніе цифры ведеръ выкуриваемаго спирта начинается только съ 1867 года, т. е. со времени введенія этого устава.

Все мануфактурное и заводское производство въ здѣшнемъ краѣ въ 1857 году простиралось на сумму около 31 миліона рублей. Въ настоящее же время абсолютная цифра стоимости всей мануф. и завод. промышленности удвоилась сравнительно съ этой цифрой. Въ 1872 году стоимость произведеній всѣхъ фабрикъ и заводовъ простиралась свыше 73,000,000 рублей. Значительно увеличилась также и относительная цифра: въ 1857 году на одного жителя производилось въ среднемъ выводѣ мануфактурныхъ и заводскихъ произведеній на сумму около 6 р. 60 коп. Въ 1872 году на каждого жителя производилось ихъ болѣе чѣмъ на 11 рублей.

О возвышеніи народнаго благосостоянія можно судить до известной степени также по движенію народонаселенія, главнымъ образомъ по смертности и отношенію ея къ рождаемости. Чѣмъ благопріятнѣе становятся условія жизни для большинства народонаселенія, тѣмъ, естественно, смертность бываетъ меньшею.

По вычисленію Вольскаго за цѣлое 25-ти лѣтіе, начиная съ 1832 года, смертность въ здѣшнемъ краѣ была: 1 умершій на 28 жителей въ среднемъ выводѣ. По даннымъ же за послѣднее шестилѣтіе, кончающееся 1872 годомъ, средняя смертность была только 1 умершій на 36 жителей; слѣдовательно на каждую 1,000 жителей теперь умираетъ въ среднемъ выводѣ 8-ю человѣками менѣе противъ прежняго. Если сравнимъ смертность съ рождаемостью, то увидимъ, что въ 20-хъ годахъ на 1,000 умирающихъ рождалось 1,297. Въ наиболѣе благопріятные періоды для движенія населенія съ 1833 по 1844 и съ 1857 по 1863 годъ, на 1,000 умирающихъ рождалось въ среднемъ выводѣ по 1496. Въ настоящее же время, по среднему выводу за шестилѣтіе съ 1867 по 1872 г. включительно, на 1,000 умирающихъ приходится по 1,556 рождающихся.

Отсюда понятно, какъ быстро должно было, вслѣдствіе такого отношенія смертности къ рождаемости, увеличиваться народонаселеніе въ послѣдніе годы. Въ то время какъ въ теченіи 25-тилѣтняго періода съ 1831 г. по 1857 годъ оно увеличилось на 971,000 душъ, что составляетъ ежегодный ‰ приращенія только 1,03; съ 1857 года по 1872 годъ, въ теченіи слѣдовательно 15-ти лѣтъ, оно увеличилось болѣе чѣмъ на $1\frac{1}{2}$ миліона; ежегодный ‰ приращенія былъ болѣе 2.

Улучшеніе условій жизни замѣчается не въ одномъ только сельскомъ населеніи, но и въ городскомъ. Въ теченіи десятилѣтія пятидесятихъ годовъ въ городѣ Варшавѣ въ среднемъ выводѣ ежегодно рождалось только $7\frac{1}{2}$ тысячъ, а умирало свыше $9\frac{1}{2}$ тысячъ. Въ теченіи десяти лѣтъ умерло такимъ образомъ на 20,000 человекъ болѣе, чѣмъ родилось. Въ девятилѣтіе же, оканчивающееся 1872 годомъ, наоборотъ, замѣчается перевѣсъ рождающихся надъ умирающими, простирающійся до $8\frac{1}{2}$ тысячъ за этотъ періодъ.

Еще болѣе замѣчательное улучшеніе въ послѣднее время обнаруживается въ народной нравственности. Изъ сравненія средней цифры, за двухлѣтіе съ 1857 по 1858 г. съ средней цифрой за семилѣтіе съ 1866 по 1872 годъ, важнѣйшихъ преступленій, дошедшихъ до свѣдѣнія судовъ, оказывается: въ концѣ пятидесятихъ годовъ умысленныхъ убійствъ ежегодно совершалось 184, въ послѣдніе же семь лѣтъ только 108; разбоевъ въ 50-хъ годахъ ежегодно было около 137, теперь только 26; грабежей въ концѣ пятидесятихъ годовъ было 136, теперь только 99; кражъ съ увеличивающимися вину обстоятельствами совершалось въ концѣ пятидесятихъ годовъ 5,300 теперь же 2,362; случаевъ воровства-мошенничества ежегодно въ концѣ 50-хъ годовъ было 1,347, теперь же только 482. Бродяжничество въ 1858 г. доходило до 537 случаевъ, теперь же ежегодно только 38 въ среднемъ выводѣ. Такимъ образомъ абсолютная ежегодная цифра убійствъ уменьшилась почти вдвое, разбоевъ въ пять разъ; кража съ увеличивающимися вину обстоятельствами уменьшилась болѣе чѣмъ въ два раза, воровство-мошенничество въ 3 раза, бродяжничество въ 14 разъ. Въ сущности, уменьшеніе всѣхъ этихъ преступленій слѣдуетъ считать даже еще болѣе, такъ какъ все народонаселеніе здѣшняго края увеличилось въ настоящее время, сравнительно съ населеніемъ

его въ концѣ пятидесятихъ годовъ, болѣе чѣмъ на $1\frac{1}{2}$ миліона душъ.

Не менѣе поднялся и уровень народнаго просвѣщенія въ здѣшнемъ краѣ за послѣднее время. Съ 1860 года по 1871 г. число учебныхъ заведеній и учащихся въ нихъ удвоилось. Это столь быстрое увеличеніе, что подобнаго ему не представляетъ ни одинъ изъ предшествующихъ періодовъ исторіи народнаго просвѣщенія въ здѣшнемъ краѣ. Для того, чтобы число учащихся въ здѣшнемъ краѣ могло удвоиться, надо было въ предшествующее время пройти сорокалѣтнему періоду.

Изъ всѣхъ періодовъ XIX вѣка періодъ 20-хъ годовъ отличается самымъ неблагопріятнымъ положеніемъ народнаго просвѣщенія въ здѣшнемъ краѣ. Съ тридцатыхъ годовъ по настоящее время число учащихся постоянно возрастало съ большей или меньшей быстротою. Между тѣмъ какъ, въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія оно не только не возрастало, но, напротивъ, уменьшалось. Въ 1820 году число учащихся было 44,446; а въ 1827 году оно низошло до 40,907. Уменьшеніе учащихся въ этотъ періодъ всей тяжестью пало исключительно на начальныя сельскія школы, несмотря на то, что при открытіи сейма въ 1818 году тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ графъ *Мостовскій* торжественно заявилъ, что изъ всѣхъ видовъ образованія здѣшній край всего болѣе нуждается въ элементарномъ образованіи и что отсутствіе его служитъ главной причиною большей части преступленій и пороковъ въ здѣшнемъ народонаселеніи. Въ 1820 году элементарныхъ школъ было въ краѣ 1,282, въ 1828 году только 676; слѣдовательно число ихъ уменьшилось на половину. Если среднее и высшее образованіе въ этотъ періодъ и развивалось въ классахъ общества болѣе или менѣе зажиточныхъ, то очевидно на счетъ коснѣнія въ невѣжествѣ народныхъ массъ. Графъ *Мостовскій*, въ рѣчи произнесенной на сеймѣ 1825 года прямо объясняетъ уменьшеніе сельскихъ школъ обѣднѣніемъ сельскаго народонаселенія.

Абсолютныя цифры, конечно, мало еще характеризуютъ состояніе народнаго просвѣщенія въ различные періоды. Мы приведемъ относительныя: въ 1827 году одинъ учащійся приходился въ среднемъ выводѣ на 99 жителей; въ 1840 году на 72; въ 1860 году на 59, и, наконецъ, въ 1871 году одинъ учащійся приходится на 35

жителей. Особенно быстро увеличилось въ послѣднее время число учащихся въ народныхъ школахъ. Съ 1860 года по 1871 г. число ихъ возрасло на 134%.

И такъ несомнѣнно, что здѣшній край сдѣлалъ въ послѣднее десятилѣтіе не только въ экономическомъ, но также въ нравственномъ и умственномъ развитіи столь громадныя успѣхи, что подобныхъ ему не представляетъ вся предшествующая исторія этой страны. Чѣмъ же объясняются эти громадныя успѣхи, совершенныя здѣшнимъ краемъ въ послѣднее десятилѣтіе, какими обстоятельствами они обуславливались, какими причинами были вызваны?

Причинами, дѣйствовавшими благотворно на развитіе этого края въ послѣднее время, были тѣ великія реформы и преобразованія, которыя въ нынѣшнее царствованіе совершены въ земледѣльческомъ быту, улучшеніе экономическаго и общественнаго положенія крестьянъ, составляющихъ большинство населенія въ здѣшнемъ краѣ. Важнѣйшими изъ этихъ реформъ были: надѣлъ крестьянъ землею съ отмѣною барщины и введеніе новаго гминнаго управленія.

Надѣлъ крестьянъ землею и указъ отъ 19 февраля 1864 года о новомъ гминномъ устройствѣ суть два величайшихъ событія въ исторіи здѣшняго края, которыя послужатъ краеугольнымъ камнемъ для всего послѣдующаго развитія страны не только экономическаго, но также нравственнаго, умственнаго и общественнаго, такъ какъ эти два событія устраняютъ самыя главныя препятствія, лежавшія въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ на пути этого развитія.

Польша начинаетъ не только обѣднѣть, но и нравственно разлагаться, собственно, со времени отнятія земли у крестьянъ и узаконенія барщины. Вотъ какъ описываетъ результаты этихъ прискорбныхъ событій одинъ изъ польскихъ экономистовъ, въ пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія:

„До тѣхъ поръ, пока крестьяне наши, говоритъ *Супинскій*, были свободными собственниками или арендаторами обширныхъ земельныхъ участковъ, обрабатываемыхъ ими, Польша представляла собою рѣдкій видъ благосостоянія и довольства. Но въ концѣ XVI столѣтія была пресечена живая струя народной жизни. Внезапно возникнувшій сбытъ за границу сельскихъ произведеній обманулъ нашихъ предковъ, отчасти подавилъ ихъ прежнія чувства

и заставить покуситься на имущество и независимость своей младшей братии. Мелкіе или незначительные фольварки стали увеличиваться на счет земель свободныхъ и несвободныхъ крестьянъ; а зажиточное и свободное до тѣхъ поръ сельское населеніе низошло постепенно къ тому состоянію, въ которомъ мы теперь его видимъ. Объединеніе самаго многочисленнаго класса народа естественно повлекло за собой упадокъ городовъ. Уменьшеніе въ десять разъ противъ прежняго населенія ихъ замкнуло ворота для внутренняго сбыта продуктовъ обширныхъ фольварковъ; а внѣшній сбытъ ихъ сталъ ослабѣвать. Въ жизни народовъ есть внутренняя солидарность между успѣхами и страданіями. Съ общественной природой никогда не могутъ примириться пресыщеніе однихъ классовъ общества на ряду съ нищетою другихъ, наслажденіе одной части населенія со стопами другой.

„Въ этотъ самый важный періодъ нашей исторіи, продолжалъ *Супинскій*, польскій народъ, соединенный до тѣхъ поръ естественными связями, началъ преобразовываться въ польское государство, поддерживаемое чисто искусственнымъ образомъ и насиліемъ. Его блестящая литература, появившаяся на короткое время тогда только въ высшихъ классахъ общества, подобно тому, какъ это было въ Греціи, въ Римѣ и во Франціи, когда эти классы захватили въ исключительную собственность всѣ общественныя права, свободу и всѣ выгоды, не могла здѣсь замѣнить, какъ и тамъ не замѣнила, гражданскихъ чувствъ, добродѣтелей и мужества, подавленныхъ въ усадьбахъ крестьянскихъ. Эти блестящіе, но обманчивые періоды исторіи были вездѣ первыми признаками смерти какъ народовъ, такъ и государствъ. *Latifundia perdidere Italiam*, большія помѣстья погубили Италію,—сказалъ Плиній. Мы также можемъ сказать, что большія помѣстья повернули на ложный путь нашу исторію и первыя подготовили тотъ рядъ сначала неудачъ, потомъ несчастій, которыхъ Польша никогда бы не испытала, если бы оставалась вѣрной началамъ вѣчной справедливости, развившимъ ея блестящее прошлое въ предшествующіе вѣка.

„Напряженные минуты кажущихся успѣховъ государства уже въ концѣ XVI столѣтія стали исчезать безвозвратно; города потеряли большую часть своего населенія; общественное равновѣсіе начало колебаться; народное единство было порвано; народное могу-

щество уснуло и уже никакія усилія позднѣйшихъ поколѣній не были въ состояніи вернуть ему прежней силы. Насиліе однихъ классовъ общества надъ другими сдѣлало изъ народа, бывшаго до тѣхъ поръ единымъ цѣлымъ, чисто искусственное государство; оно повлекло за собою постепенное разьединеніе и разложеніе, въ окончательномъ же результатѣ упадокъ, тяжело дающій себя чувствовать, но *причины котораго мы напрасно ищемъ въ другихъ обстоятельствахъ, желая облегчить наибольшую совѣсть народа предъ суровымъ судомъ грядущихъ поколѣній...*

„Въ то время, какъ успѣхи западно-европейскихъ государствъ постепенно разливались на всѣ слои народа, у насъ чрезмѣрное благосостояніе (*promyślność*) однихъ опиралось на угнетеніе (*uprosledzenie*) другихъ. Зародышъ этого зла пустилъ въ нашей исторіи такіе глубокіе корни, что уничтоженіе его сдѣлалось гигантской задачей, задачей, на выполненіе которой не хватило уже времени.... Чтобы нашъ земледѣльческій народъ, заключаетъ Сувинскій, сдѣлать снова народомъ дѣйствительнымъ, крѣпкимъ, могучимъ, объединеннымъ и чтобы одновременно поднять значеніе сѣль и городовъ, въ послѣднихъ оживить ремесленную промышленность, а въ первыхъ дать земледѣлію высшее промышленное направленіе, — надо сельское населеніе преобразовать въ народъ, нули перемѣнить въ числа; а средствомъ, ведущимъ къ этой великой цѣли, служить равноправіе, поземельная собственность и всеобщее просвѣщеніе, за которыми слѣдуютъ нравственность, бережливость и трудолюбіе” ¹⁾.

¹⁾ См. Józefa Supińskiego: *Organizm społeczny*, стр. 225—227 и его же: *Rozbiór dzieła Stawiskiego*, стр. 260—261. Первое произведеніе помѣщено въ III-мъ, а второе въ V-мъ томѣ собранія его сочиненій, вышедшаго во Львовѣ въ 1872 году. Срвн. также *passim* самое сочиненіе Ставискаго *Poszukiwania do historyi rolnictwa krajowego*. Warszawa. 1857. Мы не входимъ здѣсь въ разсмотрѣніе вопроса, на сколько вѣрно, само по себѣ мнѣніе Сувинскаго; но уже самое признаніе имъ и нѣкоторыми другими недюжинными польскими писателями, въ томъ числѣ замѣчательнымъ мыслителемъ и филантропомъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія Сташице, отнятія земли у крестьянъ и

Эти завѣтные желанія лучшихъ изъ польскихъ мыслителей блестящимъ образомъ были выполнены нашимъ правительствомъ десять лѣтъ тому назадъ реформами 1864 года. Сельское населеніе, обездоленное до тѣхъ поръ землей, находившееся въ полной власти шляхты, которая судила его и управляла имъ, въ настоящее время, благодаря этимъ реформамъ, приобрѣло землю, гражданскія права и мѣстное сельское самоуправленіе; сельское населеніе преобразовывается такимъ образомъ, говоря словами Сущинскаго, въ народъ полноправный, нули становятся числами. То, что было причиной вѣковаго разложенія всего общественнаго быта въ здѣшнемъ краѣ, устраняется, наконецъ, державною волею Монарха Освободителя—и этому краю, послѣ столькихъ вѣковъ угнетенія однихъ классовъ общества другими, а потому общественной слабости, разложенія и анархіи, предоставляется, наконецъ, полная возможность идти впередъ по пути общественнаго, экономическаго и нравственнаго преуспѣянія. Реформы, совершившіяся въ здѣшнемъ краѣ въ началѣ послѣдняго десятилѣтія, имѣютъ такую первостепенную важность, съ какой не можетъ сравняться ни одно событіе изъ всей предшествовавшей исторіи этой страны. Чтобы понять все великое значеніе этихъ реформъ, слѣдуетъ только бросить хотя бѣглый взглядъ на то положеніе, въ которомъ находились крестьяне въ здѣшнемъ краѣ въ эпоху, предшествовавшую этимъ указамъ.

Хотя Наполеонъ I, учреждая Варшавское Герцогство, четвертою статьею конституціоннаго устава отъ 22 іюля 1807 года и отмѣнилъ крѣпостное состояніе крестьянъ, объявивъ ихъ лично свободными, но это не только не улучшило, а, напротивъ, ухудшило положеніе ихъ. Рабство было уничтожено только по имени. Фактически же оно продолжало оставаться, увеличившись еще всѣми бѣдствіями пролетаріата. Прикрѣпленіе крестьянина къ землѣ было

порабощеніе ихъ за единственную причину экономическаго, нравственнаго и общественнаго упадка страны, показываетъ, что это была, если даже и не единственная причина упадка, то во всякомъ случаѣ самая важная, съ устраненіемъ которой въ нынѣшнее царствованіе устраняется главнѣйшее препятствіе, лежавшее въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ на пути къ всестороннему преуспѣянію здѣшняго края.

уничтожено; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ потерялъ и всякое право на землю, находившуюся до тѣхъ поръ въ его пользованіи. Мало того, по декрету Саксонскаго короля, Герцога Варшавскаго, обнародованому пять мѣсяцевъ спустя послѣ Наполеоновскаго Статута, крестьянинъ, въ случаѣ перехода отъ одного помѣщика къ другому, обязанъ былъ оставлять въ пользу перваго изъ нихъ свое жилище и свое движимое имущество, а именно скотъ, земледѣльческія орудія и зерновой хлѣбъ для посѣва.

При такомъ законодательствѣ крестьянамъ оставалось выбирать одно изъ двухъ: или соглашаться на всякія условія, какія бы ни были предложены помѣщикомъ; или же съ женой и дѣтьми покидать свое прежнее жилище и идти по міру. Результатомъ такого положенія было громадное увеличеніе земледѣльческаго пролетаріата съ 1807 года. Почти половина сельскаго населенія лишилась земли. Крестьяне стали перебиваться съ мѣста на мѣсто; а помѣщики, на которыхъ лежала обязанность платить подать съ опустѣлыхъ усадебъ, стали присоединять эти усадьбы окончательно къ фольварочнымъ своимъ землямъ. Такимъ образомъ лучшія земли въ огромномъ количествѣ отошли отъ крестьянъ безвозвратно. Множество крестьянъ было обращено въ разрядъ безземельныхъ батраковъ. Тѣ же крестьяне, которые продолжали оставаться на прежнихъ земляхъ, находились въ постоянномъ страхѣ быть прогнанными съ нихъ при всякомъ заключеніи новаго договора, поставлены были въ необходимость соглашаться на всякое увеличеніе своихъ обязательствъ въ отношеніи помѣщиковъ и потому были отягощены болѣею противъ прежняго барщиною и различнаго рода натуральными повинностями. Барщина сдѣлалась преобладающимъ видомъ крестьянскихъ повинностей. Она просуществовала до самаго послѣдняго времени. Помимо барщины на крестьянахъ лежала обязанность отбывать множество различнаго рода такъ называемыхъ *даремщинъ*, тѣмъ болѣе обременительныхъ, что они не были точно опредѣлены закономъ и открывали произволу владѣльцевъ обширное поприще. Кромѣ того, въ силу права такъ называемой „*пропинации*,” помѣщики запрещали крестьянамъ, жившимъ на ихъ землѣ, подъ страхомъ пени, пить или покупать спиртные напитки въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ, помимо помѣщичьихъ питейныхъ заведеній.

Но самымъ главнымъ правомъ помѣщиковъ, дававшимъ имъ громадную власть надъ крестьянами, было чисто феодальное учрежденіе *гминныхъ войтовъ*. До 1859 года, по тексту закона, всякій собственникъ помѣстья, заключающаго въ себѣ не менѣе 10 дымовъ, т. е. 10 крестьянскихъ семействъ, поселившихся въ немъ, по праву владѣльца имѣнія, былъ гминнымъ войтомъ т. е. главою общины. Помѣщикъ могъ передать должность гминнаго войта лицу, избранному имъ по своему усмотрѣнію. Атрибуты власти гминнаго войта были очень обширны и разнообразны. Какъ органъ центральной власти, онъ обнародовалъ законы и правительственныя распоряженія, избиралъ къ тому, какъ говорилось въ законѣ, средства, которыя ему казались наиболѣе цѣлесообразными; онъ взималъ государственные налоги, распредѣлялъ повинности и завѣдывалъ сборами на потребности самой общины. Гминному же войту принадлежала и всякаго рода полицейская и административная власть. Мало того, въ его рукахъ была и судебная власть; онъ произносилъ приговоры по всѣмъ преступленіямъ и проступкамъ, влекущимъ за собою денежную пеню не свыше 10 руб. и тюремное заключеніе не свыше 7 дней, или тѣлесное наказаніе не болѣе 20 ударовъ розгами. Отъ тѣлеснаго наказанія были изъяты только лица больныя и женщины въ состояніи беременности. При томъ, лицъ арестованныхъ запрещалось заковывать въ кандалы.

Внѣ этихъ ограниченій власть помѣщика войта не знала себѣ предѣловъ; отвѣтственность его не была точно опредѣлена закономъ и противъ возможности произвола съ его стороны не существовало никакой существенной гарантіи. Всѣ члены общины обязаны были оказывать содѣйствіе исполненію предписаній и приговоровъ войта; въ случаѣ надобности онъ имѣлъ даже право требовать помощи военныхъ властей.

Можно легко себѣ представить послѣдствія подобнаго сосредоточенія власти въ лицѣ помѣщика-войта. Пользуясь на правахъ землевладѣльца всѣми видами дохода отъ почвы, эксплуатируя трудъ крестьянъ благодаря существованію барщины и различныхъ даремщинъ, помѣщикъ въ тоже время могъ, въ качествѣ гминнаго войта, располагать неограниченно судьбою членовъ гмины. Подъ предлогомъ бродяжничества лица или дурныхъ о немъ слуховъ, онъ могъ арестовать и посадить въ тюрьму кого ему угодно. Распре-

дѣляя налоги и общинныя повинности, надзирая надъ поддержаніемъ дорогъ, мостовъ, каналовъ, зданій, принимая мѣры къ охраненію народнаго здравія, къ сохраненію лѣсовъ, и проч. и проч., онъ имѣлъ полную возможность ставать вездѣ на первомъ планѣ свои личныя выгоды и обращать въ свою пользу средства и трудъ обитателей гмины. Когда правительство желало собрать какія либо свѣдѣнія, или принять какія либо мѣры въ интересѣ низшихъ классовъ, ему приходилось обращаться къ войту же помѣщику и ему же поручать надзоръ за выполненіемъ своихъ распоряженій. Можно легко представить себѣ, какого рода свѣдѣнія могли сообщаться въ такихъ случаяхъ правительству и какъ выполнялись его распоряженія!

Такъ какъ большая часть крупныхъ землевладѣльцевъ предпочитала жить въ столицѣ или путешествовать за границей, то вмѣсто себя на должность войтовъ они назначали лицъ изъ мелкой шляхты, чаще же всего управителей своихъ имѣній, своихъ писцовъ, или слугъ. Получая черезъ - чуръ скромное вознагражденіе за исправленіе должности гминнаго войта, а именно отъ 50 до 125 руб. въ годъ, они легко могли эксплуатировать членовъ гмины, находящейся подъ ихъ управленіемъ, будучи увѣрены въ своей безнаказанности.

И такъ, несомнѣнно, что равенство гражданъ предъ закономъ и уничтоженіе рабства, провозглашенные въ 1807 году 4-ой статьёй Наполеоновскаго конституціоннаго статута, были только пышными фразами безъ содержанія. Противоположность между дворянствомъ и холопствомъ до самаго 1864 года продолжала существовать въ здѣшнемъ краѣ въ самой жестокой, возмутительной формѣ. При такой общественной организаціи нельзя было ожидать серьезнаго преуспѣянія страны ни въ матеріальномъ, ни еще менѣе, въ нравственномъ, умственномъ или общественномъ отношеніяхъ. Стремленіе къ прогрессу, цивилизаціи, свободѣ, могло ли имѣть какое нибудь серьезное значеніе, если оно опиралось на поработеніе большинства населенія, на оскорбленіе самыхъ элементарныхъ понятій о справедливости!

Познакомившись въ общихъ чертахъ съ порядкомъ вещей до 1864 года въ здѣшнемъ краѣ, намъ легко будетъ понять всё великое значеніе реформъ, произведенныхъ въ этомъ году Высочайши-

ми указами отъ 19-го февраля. Вслѣдствіе этихъ указовъ, какъ мы видѣли, крестьяне освободились отъ барщины и всякаго рода даремщинъ, главное же — освободились отъ произвольной, патримоніальной власти помѣщиковъ въ роли гминныхъ войтовъ. Истинное равенство гражданъ предъ закономъ наступило въ здѣшнемъ краѣ только съ 1864 года, ибо въ 1-хъ, только съ этого времени не одни помѣщики, но и крестьяне, владѣющіе какими нибудь 3-мя моргами земли, получили право избирать себѣ гминныхъ войтовъ и даже быть сами избираемыми на должность войта, если имѣютъ не менѣе шести морговъ земли; во 2-хъ же, только съ этого времени, именно съ указа отъ 30 августа 1864 года, не однихъ только дворянъ, но и крестьянъ, а равно и подсудимыхъ другихъ сословій, воспрещено подвергать тѣлесному наказанію. Атрибуты и объемъ власти гминнаго войта остались, за нѣкоторыми исключеніями, почти тѣже, какъ и прежде. Но должность гминнаго войта сдѣлалась теперь избирательною, точно также какъ и второстепенныя при ней должности лавниковъ и солтысовъ. Какъ лицо, зависящее въ своемъ назначеніи на должность отъ выбора большинствомъ членовъ гмины, гминный войтъ не можетъ уже въ своихъ дѣйствіяхъ отличаться такимъ произволомъ, какой былъ возможенъ для прежнихъ войтовъ, независѣвшихъ въ своемъ назначеніи отъ остальныхъ членовъ гмины, а занимавшихъ должность по праву владѣльцевъ имѣній извѣстной величины. При томъ власть гминнаго войта ограничена теперь властью гминнаго схода, постановленіи котораго онъ является не болѣе, какъ только исполнителемъ. Всѣми общественными дѣлами завѣдуютъ въ настоящее время гминные сходы и лица, ими избираемыя. Во время распущенія гминнаго схода, гминный войтъ обязанъ по всѣмъ дѣламъ, подлежащимъ его свѣдѣнію, совѣщаться съ лавниками и солтысами, избранными сходомъ. Въ случаѣ уклоненія гминнымъ войтомъ отъ исполненія законовъ, лавники и солтысы доводятъ объ этомъ до свѣдѣнія высшаго начальства. Точно, также и самый судъ производится не однимъ войтомъ, какъ прежде, а гминнымъ судомъ, состоящимъ изъ войта и нѣсколькихъ лавниковъ. Наказанія, которымъ можетъ подвергаться теперешній гминный судъ лицъ за уголовно-полицейскія проступки остались тѣже, какъ и при приговорахъ прежнихъ войтовъ-помѣщиковъ, т. е. денежная пена до 10 руб. или арестъ до 7 дней; но судъ не можетъ при-

говаривать кого бы то ни было къ тѣлесному наказанію. Гминный войтъ, въ своемъ назначеніи на должность, зависитъ отъ одного только собранія гмины.

Къ сожалѣнію, не смотря на столь обширныя права и автономію, ѿ едоставленныя новымъ гминнымъ Уставомъ сельскому населенію, безъ различія сословій, въ попеченіи объ ихъ мѣстныхъ нуждахъ и интересахъ и на столь великое историческое значеніе Высочайшихъ указовъ отъ 19 февраля 1864 года для преобразованія всего общественнаго строя здѣшняго края въ духѣ новаго времени и требованій европейской цивилизаціи, всѣ неизмѣримыя блага, проистекающія для края отъ этихъ реформъ, повидимому, пока еще не достаточно оцѣнены здѣшнимъ обществомъ, особенно классомъ прежнихъ землевладѣльцевъ-помѣщиковъ, не могущихъ позабыть своихъ прежнихъ, исключительныхъ правъ. „Помѣщичьи дворы—говоритъ авторъ статьи *Prasa i podstaw*, въ журналѣ *Przegląd Tygodniowy* ¹⁾, послѣ утраты правъ надъ сельскимъ населеніемъ, порвали всякую связь съ хатой крестьянина. Между прежнимъ помѣщикомъ и недавно созданнымъ гражданиномъ наступило разъединеніе, проявляющееся во взаимномъ недоброжелательствѣ и игнорированіи общественныхъ дѣлъ. Шляхтичъ исключаетъ себя отъ всякаго участія въ жизни гмины; подобно чужеземцу онъ относится къ ней, какъ къ чему то чуждому и враждебному для него; онъ смотритъ свысока на гмину и сельской судъ. Въмѣсто того, чтобы примириться съ совершившимся фактомъ, признать въ своемъ прежнемъ подданномъ сосѣда-гражданина и сообща взяться за трудъ въ дѣлахъ гмины, онъ удаляется и любитъ воспоминаніями о недавно минувшемъ прошломъ”. Это любовное отношеніе къ прошлому и пессимистичное къ современному, къ сожалѣнію, служило почти до послѣдняго времени отличительной чертой не одного какого либо класса общества, права котораго могли быть уменьшены новой реформой, но, какъ сознается авторъ той же статьи, составляетъ достояніе настроенія умовъ многихъ и отчасти самой литературы. „Въ послѣднее время, говоритъ онъ, положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось: патримоніальный порядокъ вещей

¹⁾ Warszawa d. 4 (16) Marca 1873 r. N. 11.

изчезъ; народонаселеніе приобрѣло собственность и гражданскія права; сельская гмина получила самоуправленіе. Это факты неизмѣримой важности въ исторіи нашего общества, факты составляющіе цѣлую эпоху въ развитіи его, производящіе полный переворотъ въ прежнемъ его общественномъ строѣ жизни. *Тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ ими слишкомъ мало занимались и слишкомъ пессимистично привыкли смотрѣть на нихъ*". ¹⁾

Но это и служитъ лучшимъ доказательствомъ неспособности подобнаго общественнаго мнѣнія, къ сожалѣнію нерѣдко отождествляемаго съ общественнымъ мнѣніемъ всего народонаселенія, слѣдовать за прогрессомъ своей страны и своего времени, неспособности содѣйствовать историческому развитію края. „Народъ, котораго организмъ не уснулъ еще, — говоритъ *Супинскій* въ статьѣ о „Знаменіяхъ жизни и упадкѣ народовъ“, — уважаетъ свое прошлое, какъ дорогія воспоминанія и важныя предостереженія; но силъ своихъ не полагаетъ въ немъ; падающій же народъ, напротивъ, обращается къ нему инстинктивно и остатокъ общественной жизни хотѣлъ бы привязать къ минутамъ, полнымъ нѣкогда славы и надежды. Гдѣ еще ясно выступаетъ вся крѣпость силъ жизни, тамъ главнымъ занятіемъ ученыхъ есть настоящее и будущее; тамъ же, гдѣ большая часть ученыхъ занимается только собираніемъ и подготовленіемъ матеріаловъ для забальзамированія своего прошлаго, тамъ или отлетаютъ силы и жизнь засыпаетъ, или же понятія народа и его трудъ выходятъ на ложный путь. Исторія — это памятники предметовъ минувшихъ, памятники тѣмъ болѣе дорогіе для людей близкихъ къ смерти, чѣмъ менѣе эти предметы осуществимы въ настоящемъ, чѣмъ глубже погружены въ мракъ смутныхъ вѣковъ, чѣмъ болѣе похожи на самую смерть; поэзія — это райская страна, обольстительной фантазіи; но она есть жизнь безъ дѣйствительнаго знанія, безъ матеріи, мысль и чувство оторванныя отъ настоящаго, слѣдовательно не принадлежащія уже къ этому міру!" ²⁾

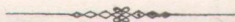
Но, Милостивые Государи, въ жизни человѣчества вѣтъ смерти; смерть однихъ поколѣній есть начало жизни другихъ. Будемъ надѣяться, что въ здѣшнемъ краѣ смерть всего отжившаго и от-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Стр. 400 въ I-омъ томѣ его сочиненій.

живающаго прошлаго будетъ началомъ возрожденія къ новой жизни, перерожденіемъ не только экономическаго и общественнаго строя жизни, но чувствъ, идей, стремленій, что воскресшій къ новой жизни этотъ край дружно пойдетъ рука объ руку со всей остальной, великой и тоже обновленной славянской державой по общему пути, предназначенному имъ Провидѣніемъ. Молодое поколѣніе, чуждое застарѣлыхъ предразсудковъ и предубѣжденій прежняго времени, вступаешь въ свои права; опираясь на положительное знаніе, а не безотчетныя влеченія сердца, оно смѣло заявляетъ, какъ мы видѣли изъ только что цитированныхъ нами строкъ журнала, служащаго однимъ изъ органовъ этого поколѣнія, свой полный разрывъ съ идеями, преданіями и чувствами прошлаго. Оно смѣло произносить суровый приговоръ надъ этимъ прошлымъ и это слѣжитъ лучшимъ признакомъ здороваго, нормальнаго развитія его. Тому нечего бояться обнаруживать болѣзныя стороны своего организма, кто увѣренъ въ возможности исцѣленія ихъ. Будемъ надѣяться, что нашъ Университетъ окажетъ молодому поколѣнію здѣшняго края дѣйствительное содѣйствіе его благимъ стремленіямъ, что онъ дастъ ему запасъ положительныхъ знаній, съ которыми новыя поколѣнія стануть преслѣдовать положительныя интересы страны, а не обманчивыя призраки фантазій, за которыми гоняются отживающія поколѣнія и народы.

Нашему Университету, съ первыхъ дней его существованія, выпала завидная доля присутствовать при этомъ воскресеніи и обновленіи края, намѣчать факты новой жизни, просящіеся сами собою наружу и осмысливать ихъ значеніе. Если мнѣ, въ своей рѣчи, удалось набросать хотя слабую тѣнь начала возрожденія здѣшняго края и этимъ самымъ невольно обратить, Милостивые Государи, Ваши мысли и чувства признательности къ Августѣйшему Виновнику этого возрожденія, Царю-Освободителю, день котораго сегодня мы празднуемъ вдвойнѣ, и какъ день дорогой для всей Россіи, и какъ день дорогой особенно для нашего Университета обязаннаго Ему своимъ возникновеніемъ, въ такомъ случаѣ я буду считать, что цѣль моей рѣчи вполне достигнута.

О ВАЗѢ СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ ДАНАИ И ПЕРСЕЯ,

ПРИНАДЛЕЖАЩЕЙ
ИМПЕРАТОРСКОМУ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМУ ЗРЕМИТАЖУ.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДВУХЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ТАВЛИЦЪ).

Орд. проф. А. Θ. Мържинскаго.

I.

Означенная ваза найдена въ Цере (Caere) въ 1844 г., и первоначально вошла въ составъ прекрасной коллекции древнихъ памятниковъ гр. Кампаны, извѣстнаго любителя изящныхъ искусствъ, который въ слѣдующемъ году подробно описалъ находящіяся на ней изображенія въ статьѣ озаглавленной: „Vaso della Danae”. ¹⁾

Девять лѣтъ спустя явилось новое описаніе этого памятника посвященное памяти Винкелманна, знаменитаго отца археологіи. Авторъ этого труда, проф. Берлинскаго университета, Гергардъ, старался между прочимъ объяснить и значеніе мифа, изображеннаго на кратерѣ. ²⁾

Принимая на себя послѣ упомянутыхъ трудовъ, описаніе и объясненіе означеннаго памятника я поставилъ себѣ задачей какъ ознакомить съ трудами своихъ предшественниковъ русскую публику, для которой поименованныя статьи недоступны по своей рѣдкости, такъ и дополнить отъ себя нѣкоторыя данныя, необходимыя для уясненія научной стороны этого невольнаго развѣсненнаго мифа.

По обоимъ сторонамъ кратера помѣщены изображенія нѣсколькихъ лицъ, вырѣзанныя мастерскою рукою и тѣмъ самымъ доказывающія, что нашъ кратеръ относится къ самой цвѣтущей эпохѣ изящныхъ искусствъ въ классической древности. Надписи же, сопровождающія изображенія, именно *Акрисіосъ* и *Даная* прямо указываютъ на мифическую область, къ которой относятся эти изображенія.

Первые слѣды о Данай и Акрисій мы находимъ у Гомера въ томъ мѣстѣ, которое безъ сомнѣнія подложно. Тамъ мы только читаемъ, что бѣлоногая Даная, дочь Акрисія, родила Зевсу знаменитаго героя Персея. ³⁾

Въ Геракловомъ Щитѣ, обыкновенно приписываемомъ *Гесіоду*, мы дѣйствительно встрѣчаемся съ мифомъ о похищеніяхъ Персея, но относительно Данаи, мы узнаемъ только, что она была матерью этого героя. ⁴⁾

Оставимъ въ сторонѣ „большія Эпъ“ (*μεγάλα Ἔπη*), въ которыхъ мнимый авторъ Гесіодъ, воспѣвая Зевсовъ потомство отъ смертныхъ дѣвъ, по всей вѣроятности упомянулъ и о Данай и о ея потомствѣ. ⁵⁾ Не станемъ заниматься *кикликами*, воспѣвавшими отдѣльные циклы мифовъ, и упоминавшими несомнѣнно и о Персеѣ; ⁶⁾ оставимъ ихъ въ сторонѣ потому, что въ уцѣлѣвшихъ отрывкахъ мы не находимъ ничего ни объ Акрисіи, ни о Данай. Только писатели первой половины VI столѣтія или, лучше, писавшіе въ V столѣтіи, сохранили намъ драгоценнѣйшій матеріалъ относительно нашего мифа.

Разсматривая длинный списокъ авторовъ, писавшихъ прозою и принадлежавшихъ къ такъ называемымъ *Логографамъ*, изъ трудовъ которыхъ всепоглащающее время пощадило намъ немного отрывковъ, мы находимъ только у одного Ферекида описаніе разбираемаго нами мифа. Правда, мы встрѣчаемъ у *Гекатей* извѣстіе, что Зевсъ полюбилъ Данай ⁷⁾, и *Антиохъ* рассказываетъ что въ храмѣ Аѣины, въ Лариссѣ, была могила Акрисія ⁸⁾; но эти свѣдѣнія весьма мало поучительны. Только *Ферекидъ* рассказываетъ намъ весь мифъ съ начала до конца т. е. до смерти Акрисія, отца Данаи. Вотъ его слова:

Акрисій женился на Эвредикѣ, дочери Лакедемона, отъ которой родилась Даная. Пелійскій оракулъ, спрошенный *Акрисіемъ*

относительно мужского потомка, отвѣчалъ, что ему не суждено имѣть сына, но что дочь его родитъ сына, который будетъ причиною его смерти. Возвратившись въ Аргосъ Акрисій приказалъ устроить на дворѣ своего дома подземную желѣзную комнату, завелъ туда Данаю вмѣстѣ съ ея нянею и велѣлъ строго смотрѣть за ними. Но Зевсъ, влюбившись въ Данаю, посѣтилъ ее въ видѣ золотого дождя, ниспадавшаго съ крыши, а Данаа приняла его на свое лоно.

Вслѣдствіе этого Данаа родила Персея. Мать, вмѣстѣ съ нянею, воспитываетъ его въ тайнѣ отъ Акрисія. Когда ему было 3 или 4 года, Акрисій, услышавъ его голосъ, тотчасъ приказалъ позвать къ себѣ Данаю, вмѣстѣ съ нянею. Убивши послѣднюю, онъ повелъ дочь свою вмѣстѣ съ младенцемъ къ алтарю Зевса и спросилъ у нея, кто отецъ ребенка. Но получивши отвѣтъ, что отецъ ребенка — Зевсъ, Акрисій не повѣрилъ справедливости его и заключилъ свою дочь, вмѣстѣ съ ея сыномъ въ ящикъ, который затѣмъ пустилъ по морскимъ волнамъ. Ящикъ плавалъ по морю, пока не прибылъ къ острову Серифу, у береговъ котораго и былъ вытасченъ сѣтью Диктиса, брата цари Полидекта. Диктисъ, открывъ ящикъ, взялъ къ себѣ заключенныхъ въ немъ.⁹⁾

Читая этотъ замѣчательный разсказъ, естественно должно прежде всего спросить, откуда Ферекидъ почерпнулъ свои свѣдѣнія?

Ферекидъ начинаетъ съ предсказанія, что Данаа родитъ сына, отъ руки котораго погибнетъ Акрисій и окончиваетъ тѣмъ, что это предвѣщаніе сбылось. На этой общей основѣ преданія, составляющей одно цѣлое, размѣщена вся судьба Данаи и приключенія ея сына въ тѣсномъ историческомъ порядкѣ и съ очевиднымъ памфреніемъ довести разсказъ до предположенной органической цѣлости. Подобная мотивированная связь фактовъ заставляетъ насъ заключить, что Ферекидъ нашелъ уже всѣ части мѣста готовыми, и что не онъ первый ихъ собралъ и привелъ въ порядокъ.

Разсматривая другой отрывокъ, въ которомъ читаемъ длинную генеалогію царей на островѣ Серифѣ, куда Данаа приплыла въ ящикѣ, поневолѣ дѣлаемъ умозаключеніе, что Ферекидъ нашелъ мѣсто не только готовымъ во всѣхъ частяхъ, но даже написаннымъ, такъ какъ въ пѣсняхъ и народныхъ преданіяхъ, передаваемыхъ словесно родословные выводы обыкновенно не переходятъ за отца, между

тѣмъ какъ тутъ генеалогія Персея доходитъ до пятого его предка, именно до Посейдона и нимфы Амимоны. ¹⁰⁾

Миѣніе свое я могу подтвердить словами, взятыми изъ Страбона и лучше всего характеризующими литературные обычаи Ферекида. Изъ нихъ мы узнаемъ, что такіе писатели какъ Кадмъ, Ферекидъ, Гекатей неболѣе какъ только перелагатели поэзіи въ прозу. ¹¹⁾ Изъ чего по крайней мѣрѣ явствуетъ, что миѣ о Данаѣ и Персеѣ былъ воспѣтъ стихами.

Такъ какъ во все время, начиная съ Гесіода до Ферекида, только одни киклики воспѣвали отдѣльные миѣя въ цѣлости, то слѣдовательно и необходимо у нихъ искать источникъ, которымъ пользовался Ферекидъ. Такимъ образомъ и факты, о которыхъ упоминаетъ Ферекидъ, относятся къ глубокой древности. Но чрезвычайно трудно отгадать, подъ какимъ заглавіемъ написана была эта эпопея. Безпощадное время сохранило намъ только нѣсколько заглавій изъ которыхъ „*Форонисъ*” ¹²⁾ кажется болѣе другихъ подходить своимъ содержаніемъ. Судя по заглавію, эта эпопея должна была воспѣвать преданія Аргосской земли, первымъ царемъ которой былъ Фороней. Дошедшее до насъ заглавіе: „*Данаисъ*” не мѣшаетъ нашему миѣнію по тому что уцѣлѣвшій отрывокъ свидѣтельствуетъ о томъ, что тутъ говорится о Данаидахъ, а не о Данаѣ ¹³⁾.

Оцѣнивъ такимъ образомъ сохранившійся памятникъ глубокой древности, спросимъ теперь лириковъ; прежде всего *Симонида* жившаго еще до Ферекида. Этотъ знаменитый поэтъ трогательными словами описываетъ тайны материнскаго сердца и полное упованіе Данаи на благодѣтельность боговъ въ то время, когда несчастная мать, запертая въ ящикъ съ сыномъ и брошенная на произволъ морскихъ волнъ, покорно молится Зевсу бывшему творцемъ ея величайшаго бѣдствія. ¹⁴⁾

Вслѣдъ за Симонидомъ *Пиндаръ*, извѣстнѣйшій греческій лирикъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ упоминаетъ, что достославная дѣва Данаа была матерью Персея, но у него только описаны подвиги сына. ¹⁵⁾

Сравнивая же происхожденія Персея по словамъ Пиндара съ тѣмъ, что пишетъ Ферекидъ, мы находимъ громадную разницу. Слѣдовательно Пиндаръ, старшій современникъ Ферекида, должно быть, пользовался другимъ источникомъ; но какимъ именно, рѣшить тру-

дно. Полагаю, однако, что онъ могъ заимствовать только изъ другаго Биклическаго эпоса, воспѣвавшаго мѣоъ по Віотійскимъ преданіямъ, и основываю это предположеніе на томъ, что одна часть воспѣтаго Пиндаромъ мѣоа была заимствована изъ мѣстнаго преданія, разпространеннаго особенно около рѣки Кефисса и озера Конаисъ. ¹⁶⁾

Этимъ же источникомъ а, можетъ быть, и самимъ Пиндаромъ пользовался впослѣдствіи *Симмій*. ¹⁷⁾

Также и три прославляемые свѣтила греческой трагедіи, Эсхиль, Софокль и Еврипидъ пользовались въ своихъ произведеніяхъ Аргосскимъ мѣомъ о Данаѣ, Акрисіѣ и Персеѣ. Жаль только, что ни одна изъ этихъ трагедій не уцѣлѣла. До насъ дошли только заглавія и нѣкоторые отрывки, разбросанные у разныхъ древнихъ авторовъ.

Между заглавіями трагедій, которыя написалъ великій творецъ греческой трагедіи *Эсхиль*, находится и заглавіе *Полидектъ*. Въ этой трагедіи непременно являлась Даная, потому, что на это указываетъ самое содержаніе мѣоа. ¹⁸⁾ Но никакимъ образомъ мы не можемъ согласиться съ Велькеромъ относительно содержанія трагедіи. ¹⁹⁾ Равнымъ образомъ нельзя придавать значенія мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, въ главѣ конхъ стоитъ тотже Велькеръ, ²⁰⁾ мнѣнію, утверждающему, что одинъ изъ сохранившихся отрывковъ принадлежалъ къ трагедіи „Даная“. Такое предположеніе невѣрно, потому, что не возможно доказать, чтобы Эсхиль написалъ трагедію подъ этимъ заглавіемъ. ²¹⁾

Другое дѣло *Софоклъ*; не подлежитъ никакому сомнѣнію, что этотъ любимецъ трагической музы написалъ трагедію подъ заглавіемъ „Даная“. За это ручаются древнія свидѣтельства. ²²⁾ Кроме того, онъ написалъ трагедію „Акрисій“. ²³⁾ Изъ скудныхъ отрывковъ, связанныхъ между собою въ духѣ Ферекидова преданія, мы можемъ составить себѣ только предположительное представленіе объ ихъ содержаніи. Вообще оба трагика пользовались мѣомъ, сохранившимся у Ферекида. Объ этомъ свидѣтельствуетъ дошедшій до насъ отрывокъ изъ Эсхиловой трагедіи „Форкиды“ ²⁴⁾ и слова упоминающія о дѣвѣ Данаѣ въ уцѣлѣвшей Софокловой трагедіи „Антигона“ и гласяція „что Даная замѣнила солнечный свѣтъ мракомъ желѣзной обители“. ²⁵⁾

Сколько можно судить по отрывкамъ изъ трагедіи „Даная“, третій трагикъ *Эврипидъ* безспорно заслуживаетъ названіе пересоздателя мифовъ. Въ прологѣ, который хотя не дошелъ до насъ въ настоящемъ видѣ, но составленъ по образцу, взятому изъ подлинной трагедіи, авторъ сообщаетъ намъ, что бездѣтный Акрисій отправился къ дельфійскому оракулу, отъ котораго получивъ отвѣтъ, что дѣйствительно у него не будетъ мужескаго потомка, но что отъ него родится дочь, сынъ которой будетъ владѣть Аргосомъ и многими другими землями. Когда въ послѣдствіи родилась у Акрисія дочь, онъ помѣстилъ ее въ дѣвичьихъ комнатахъ подѣ присмотромъ Аргосскихъ дѣвъ. Прошло нѣсколько времени и Зевсъ, зная горячее пристрастіе людей къ золоту, излился въ видѣ золотого дождя на руку Данаи, которая и спрятала его подѣ грудь. Вслѣдствіе этого она почувствовала себя беременною и отъ страха бѣжала изъ отцовскаго дома; но была поймана и заперта въ темницу. Акрисій въ концѣ рѣшился бросить ее въ море. ²⁶⁾

Въ другой трагедіи, подѣ заглавіемъ „Диктисъ“ является также Даная, но уже спасенная ²⁷⁾ послѣ долговременнаго плаванія по морю. Такъ какъ однако этотъ фактъ переходитъ предѣлы поставленные нами себѣ, то мы и удовольствуемся однимъ только указаніемъ на него.

Оставимъ въ сторонѣ комедію „Даная“ написанную *Аполлофаномъ*, изъ которой кромѣ заглавія ничего не осталось; равнымъ образомъ не станемъ заниматься и пятью отрывками изъ комедіи *Санириона* подѣ заглавіемъ „Даная“, не имѣющими никакого значенія для нашего разсужденія и окончимъ систематическій обзоръ греческой литературы, относительно нашего мифа, замѣчаніемъ, что съ тѣхъ поръ греческіе писатели только вскользь упоминаютъ о Данаѣ или Акрисіѣ, ни мало не дѣлая этой части мифа предметомъ особенной обработки, за исключеніемъ развѣ однихъ эпиграмматистовъ. ²⁸⁾ Сверхъ того они придерживались вообще Ферекидова разсказа и передѣлки Эврипида. Между тѣмъ важность этихъ писателей для нашего вопроса состоитъ въ томъ, что они проливаютъ свѣтъ на разпространеніе мифа за предѣлами Греціи, хотя у нихъ всегда главнымъ героемъ является Персей; о Данаѣ же упоминаютъ только какъ о его матери, а Акрисій мало по малу совершенно исчезаетъ со сцены.

Такимъ образомъ основываясь на томъ, что тамъ, гдѣ говорится о Персея извѣстна была и мать его, о которой дѣйствительно въ большинствѣ случаевъ и упоминается, мы можемъ въ общихъ чертахъ означить границы, въ которыхъ этотъ мифъ разпространился въ древнемъ мірѣ.

Крайнимъ западнымъ предѣломъ странствованій Данаи съ своимъ сыномъ—была Италія, куда она также приплыла въ ящикѣ. Особенно этотъ мифъ сдѣлался мѣстнымъ въ Ардеѣ²⁹⁾ и Римѣ³⁰⁾. Далѣе мы съ нимъ встрѣчаемся вдоль сѣверныхъ береговъ Африки, въ Ливіи³¹⁾, въ Египтѣ³²⁾; и Эѳіопіи.³³⁾ Преимущественно же онъ разпространился широко въ Азіи, именно во всей малой Азіи, въ Исауріи, Биликіи³⁴⁾, Персіи³⁵⁾ и Ассиріи³⁶⁾. Понтийскіе цари выводившіе свое начало отъ Ахеменидовъ и Персея охотно содѣйствовали разпространенію мифа.³⁷⁾ На сѣверѣ же этотъ мифъ былъ извѣстенъ въ Скиѳійскихъ земляхъ и по берегамъ Дуная.³⁸⁾

II.

Не смотря однакожь на все значительное пространство тогдашняго образованнаго міра, въ предѣлахъ котораго разпространился этотъ міръ, и не смотря на то, что первенствовашіе дѣятели греческой литературы въ цвѣтующія времена Греціи признавали его предметомъ достойнымъ обработки въ своихъ произведеніяхъ, мы должны сознаться, что въ сравненіи съ мѣрами троянскаго цикла или съ мѣрами о Гераклѣ, его литературная обработка занимаетъ второстепенное мѣсто. Тоже самое можно сказать о произведеніяхъ и другихъ изящныхъ искусствъ. Послѣдняго рода памятниковъ, дошедшихъ до насъ очень мало; по большей части они представляютъ Персея и его похищенія или же лица имѣющія съ нимъ какую либо связь. Гораздо менѣе встрѣчается памятниковъ, изображающихъ Данаю; ³⁹⁾ и только весьма рѣдкіе представляютъ Акрисія. Къ этимъ послѣднимъ принадлежитъ нашъ кратеръ. ⁴⁰⁾ Послѣ сказаннаго мною выше уже нетрудно будетъ теперь объяснить находящіяся на немъ изображенія.

На одной сторонѣ кратера именно мы видимъ царскую дочь Данаю, одѣтую въ длинный, пространнѣй хитонъ, сидящую на богато устланномъ ложѣ, держащую босыя ноги на скамейкѣ. На ложѣ усматривается изукрашенное изголовье; невдалекѣ виситъ зеркало; за нимъ головной уборъ, въ видѣ капилона. ⁴¹⁾ Она хочетъ будто раздѣться и лечь спать, только не ожиданное явленіе останавливаетъ ее. Даная съ удивленіемъ всматривается въ золотыя капли дождя, ниспадающаго сверху на ея лоно. Превосходно выражено артистомъ удивленіе Данаи, которая будто пугается назадъ при видѣ этого явленія. Неожиданность его видна еще въ положеніи рукъ держащихъ ойюску; онѣ вдругъ какъ бы застыли и оцѣпенѣли. Это удивленіе лучше всего изображено въ положеніи головы, въ лицѣ и глазахъ, направленныхъ въ ту сторону, откуда

приходить явленіе. Проф. Гергардъ обращаетъ вниманіе преимущественно на выраженіе глазъ, въ которомъ находитъ мечтательность и покорность. ⁴²⁾ По мнѣ кажется, что въ тотъ моментъ, когда полилъ золотой дождь, должна была исчезнуть всякая мечтательность, все вниманіе должно быть поглощено внезапнымъ явленіемъ. Еслибъ артистъ дѣйствительно изобразилъ мечтательность, то вызвалъ бы полное наше негодованіе, которое въ этомъ случаѣ относится только къ проф. Гергарду.

По моему мнѣнію творецъ картины весьма основательно обдумалъ положеніе дѣвы въ минуту внезапнаго чуда; и что онъ не принадлежалъ къ числу людей, плохо представляющихъ хорошо обдуманную ситуацію, объ этомъ свидѣлствуетъ вся картина вообще и всѣ ея частности, особенно же нѣжныя черты обѣихъ рукъ.

Мы не находимъ тоже и покорности въ взглядѣ, потому что мы не въ состояніи доказать ее по мифологическимъ рассказамъ, ни психологически. Еслибъ мы читали въ рассказѣ, что извѣстно было Данаѣ, что ей явится Зевсъ въ видѣ золотого дождя, то она, зная объ этомъ напередъ, моглабы подчиниться съ покорностью его рѣшенію и волѣ. Между тѣмъ преданіе гласитъ противное. По законамъ психологіи мы знаемъ, что въ минуту неожиданнаго явленія, соответственно его качеству, овладѣваетъ нами испугъ или же удивленіе, но никогда ни мечтательность ни покорность. Гергардъ кажется при описаніи этого памятника руководился впечатленіями, какія производитъ въ насъ прекрасная пѣснь Симонида, и не обратилъ надлежащаго вниманія ни на состояніе души въ случаѣ внезапнаго и не ожиданнаго явленія, ни на положеніе дѣвы, въ которомъ изобразилъ ее артистъ.

Обратимся теперь къ другой картинѣ. Въ самой срединѣ мы видимъ ящикъ, вѣроятно деревянный, украшенный 10-ти звѣздами; кромѣ того мы замѣчаемъ три колечка врядъ, каждое съ точкой по срединѣ. Это не отверстія, но, быть можетъ, изображеніе солнца; число ихъ вѣроятно означаетъ, сколько лѣтъ отъ роду Персею. Символическое значеніе звѣздъ должно быть такое же, какое имѣютъ звѣзды украшающія кровать. Легко можетъ быть, что онѣ относятся къ божеству свѣта. Ящикъ стоитъ на ножкахъ, изъ которыхъ одна, лѣвая, имѣетъ видъ лапы животнаго, чего однакожъ не лзя сказать о другой. Волнообразныя черточки, украшающія всѣ бока

ящика, символически указываютъ на морскія волны. На право стоитъ человѣкъ, одѣтый въ длинный хитонъ, на который накинута плащъ, въ лѣвой рукѣ онъ держитъ скипетръ, знакъ царской власти, правую же даетъ знакъ непоколебимаго приказа. Сѣдина на головѣ, опояснной ленточкою, которая ниспадаетъ на плеча обильной бахромой и сѣдая борода, окружающая все лицо, обличаютъ старика. Это Акрисій, царь Аргосской земли, о чемъ свидѣтельствуется и самая надпись. По другую сторону стоитъ наклоненный исполнитель страшнаго царскаго повелѣнія; все его вниманіе поглощено ящикомъ. Онъ чрезвычайно усердно занимается своимъ дѣломъ. У его ногъ лежитъ молотокъ, которымъ онъ долженъ заколотить крышку; въ правой рукѣ держитъ палочку. ⁴³⁾ Лѣвая рука его какъ будто пробуетъ, хорошъ-ли замокъ. Имя этой фигуры не обозначено; мы читаемъ только: *ὁ παῖς καλός* — это странно, по тому что подобныя надписи, съ рѣдкимъ исключеніемъ, находятся только надъ упражняющимися въ палестрѣ. ⁴⁴⁾ Въ самомъ ящикѣ, крышка котораго отперта, стоитъ несчастная жертва пагубной любви и гибельнаго опасенія отца. На головѣ у нея родъ діадемы; опояска поддерживающая волосы, какъ и у Акрисія, обильной бахромой опускается на пеплосъ; въ ушахъ красуются серьги. Одѣтая въ широкій хитонъ и пеплосъ, она держитъ въ лѣвой рукѣ своего сына, правую же, обращенную ладонью, какъ бы хочетъ отогнать угрожающую ему гибель и несчастіе. Наконецъ молодой Персей беззаботно забавляется мячикомъ, который держитъ въ правой рукѣ.

Таковъ характеръ дошедшаго до насъ памятника. О даровитости артиста и хорошемъ знаніи своего дѣла свидѣтельствуется то, что онъ уловилъ тотъ моментъ, въ которомъ разыгрывается роковая судьба несчастныхъ жертвъ. Уже все готово: съ одной стороны отецъ, вся наружность котораго дышитъ строгостью, отдаетъ рѣшительный приказъ: запереть дочь въ ящикъ. Съ другой стороны слѣпой исполнитель Акрисіева повелѣнія является воплощеннымъ вниманіемъ и готовъ исполнить приказаніе. Онъ уже пробуетъ замокъ и чрезъ минуту упадетъ крышка и замѣнитъ на всегда живую царскую дочь и ея невиннаго сына. Что же Даная? Она не слышитъ повелѣнія отца, она не обращаетъ вниманія на ревностнаго исполнителя, она не думаетъ, что чрезъ минуту, брошенная на неминуемую погибель, будетъ жертвою бездоннаго моря. Вся ея мысль,

все ея вниманіе сосредоточивается на одномъ предметѣ, на возлюбленномъ ея сынѣ, котораго она хотѣлабы спасти отъ угрожающей ему смерти. Это истинное олицетвореніе материнской любви, претворяющей въ минуту опасности и собственную жизнь, когда дѣло идетъ о дѣтяхъ. Это торжество материнской любви надъ другими земными чувствами, даже надъ страхомъ смерти.

Въ виду Акрисія, кипящаго однимъ только чувствомъ: жить и царствовать, для чего жертвуетъ собственной своей кровью и отеческой любовью, рѣзко рисуется идеальная личность Данаи, въ которой тоже горитъ чувство, но чувство благородное, неземное, чувство божественное.

Рядомъ съ этими двумя главными лицами; рядомъ съ этими представителями взволнованныхъ чувствъ и страстей, составляетъ поразительный, но тѣмъ не менѣе естественный, взятый изъ жизни контрастъ — характеристическое спокойствіе двухъ остальныхъ лицъ. Съ одной стороны мы видимъ здѣсь холоднаго исполнителя, совершающаго преспокойно, безъ малѣйшаго душевнаго потрясенія, но со всей ревностью строгое повелѣніе Акрисія, съ другой же стороны Персея, беззаботно и умирительно сидящаго на рукахъ своей матери, и играющаго мячкомъ, этимъ символомъ будущей своей власти.

Отвѣчая на вопросъ, какому именно литературному произведенію обязанъ артистъ своимъ вдохновеніемъ, мы никакъ не можемъ согласиться, чтобы Эврипидова трагедія „Данаи“ вдохнула артисту мысль, которую онъ такъ мастерски одѣлъ въ изящную форму, такъ какъ этотъ трагикъ принадлежалъ къ той школѣ, знаменіемъ которой было слишкомъ реалистическое воззрѣніе на міръ. Столь вульгарное представленіе о золотѣ падающемъ въ видѣ подарка на дѣву, которая тотчасъ прячетъ за пазуху этотъ драгоценный для смертныхъ металлъ, никогда и ни въ комъ не могло вызвать столь изящно идеализированной материнской любви, какую находимъ на разсматриваемой вазѣ. Такой сюжетъ скорѣе могъ бы послужить предметомъ для реалистической эпитагмы, которую читаемъ въ Анеологіи. ⁴⁵⁾

Въ прочемъ и въ новѣйшее время на снимкѣ съ другаго памятника, художникъ представилъ золотой дождь въ видѣ золотой монеты, хотя этого мы не видимъ въ уцѣлѣвшемъ произведеніи. ⁴⁶⁾ Гергардъ же указываетъ на одно мѣсто изъ Эврипидовой трагедіи,

гласящее: „что Эросъ любитъ зеркала и хорошую прическу“ ⁴⁷⁾ — а такъ какъ на нашемъ памятникѣ изображено зеркало: то онъ дѣлаетъ заключеніе, что можетъ быть, артистъ для своего труда воспользовался этими Эврипидовыми словами. Однакожь въпослѣдствіи Гергардъ при своей нерѣшительности, отказался отъ своего мнѣнія.

Равнымъ образомъ и трагедія Софокла: „Лариссейцы“ не могла повліять на художника, потому что эта трагедія разыгрывается въ Лариссѣ, въ Фессаліи, уже долго спустя послѣ спасенія Персея; слѣдовательно, ситуація была совершенно другая, чѣмъ представленная артистомъ. Содержаніе же трагедій: Акрисій, Даная, намъ мало извѣстны, такъ что о вліяніи ихъ на артиста нельзя сказать ничего положительнаго. Между тѣмъ есть дѣйствительно отрывокъ лирика Симонида, о которомъ я уже выше сказалъ, вліянію котораго легко могъ подчиниться художникъ, о чемъ также упоминаетъ Гергардъ. Надо однако сказать, что поэтъ представляетъ другой моментъ въ судьбѣ Данаи, чѣмъ артистъ, но въ этомъ то и лежитъ обоюдная ихъ заслуга и это показываетъ въ одномъ дѣятелѣ настоящаго поэта, а въ другомъ замѣчательнаго художника. Послѣдній, чтобъ избѣжать тривіальности въ своей картинѣ, не могъ изобразить страданій матери запертой въ ящикѣ, съ другой стороны и лирику не слѣдовало описывать жестокия мѣры отца и всѣ приготовления къ исполненію строгихъ его приказовъ, однимъ словомъ, описать все то, что, артистъ представилъ на картинѣ. И у поэзіи и у живописи есть свои предѣлы, которыхъ переступать не дозволяетъ принципъ изящнаго. Дѣйствительно, еслибъ этотъ памятникъ извѣстенъ былъ Лессингу, геніальный эстетикъ непременно воспользовался бы имъ при составленіи своего превосходнаго труда, въ которомъ онъ столь мѣтко говоритъ о предѣлахъ въ поэзіи и въ другихъ изящныхъ искусствахъ.

Вотъ каковаго рода поэзія могла вдохнуть нашего артиста. Оба эти памятники сходятся въ томъ, что въ нихъ мастерски изображены чувства материнской любви. Основаніемъ имъ по всей вѣроятности послужилъ Ферекидовъ рассказъ, по тому что всѣ его частности сохранены: даже ростъ Персея на картинѣ сходенъ съ преданіемъ, которое говоритъ; что страшное бѣдствіе случилось когда ему было три или четыре года отъ роду. ⁴⁸⁾

III.

Теперь оставимъ въ сторонѣ тѣ области, въ которыя насъ завела поэзія и другія изящныя искусства и перейдемъ въ другую, погруженную еще въ темный мракъ, который только въ немногихъ мѣстахъ уступаетъ свѣту окончательно торжествующей науки. На первомъ шагу въ эту мрачную страну мы встрѣчаемся съ одной стороны съ прекрасными, стройными формами могущественныхъ боговъ, съ другой же пугаютъ насъ безобразныя чудовища необузданной фантазіи. Мы говоримъ о существахъ являющихся въ мифологіи.

Теперь простимся съ всѣми поэтическими впечатлѣніями, оставимъ безъ вниманія эстетическую сторону этихъ различныхъ и разнообразныхъ существъ. Въмѣсто того мы постараемся снять съ нихъ послѣдовательно всѣ слои, которые на нихъ наложилла всегда живая фантазія и долговременные вѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ проникнуть въ ихъ сущность, отыскивая то, на чемъ основывается ихъ начало и отъ чего зависѣло дальнѣйшее ихъ развитіе, однимъ словомъ, прослѣдить ихъ исторію.

Наша задача въ данномъ случаѣ состоитъ въ томъ, чтобы изслѣдовать и разяснить начало мифа о Данаѣ и Персеѣ.

Изъ лицъ являющихся въ этомъ мифѣ, несомненный признакъ божества свѣта носить на себя Зевсъ, владыка неба. Акрисій играетъ роль второстепенную; остается Данаа и Персей.

Дѣйствіе въ которомъ эти личности принимаютъ участіе слѣдующее:

1. Зевсъ въ видѣ золотого дождя посѣщаетъ Данаю, запертую въ теремъ (θαλαμος).

2. Даная и Персей, запертые въ ящикѣ, передаются произволу морскихъ волнъ и пойманные Диктисомъ, проживаютъ нѣкоторое время у Полидекта.

Мы начинаемъ наше изслѣдованіе съ Персея, такъ какъ эта личность легче всѣхъ другихъ обнаруживаетъ свою сущность; онъ ведетъ насъ въ извѣстный кругъ мифовъ, вращающихся въ опредѣленныхъ границахъ.

Сравнительная мифологія, какъ извѣстно, неоднократно и неопровержимо доказала, что первообразные мифы берутъ свое начало въ разныхъ апперцепціяхъ явленій природы. Вѣчный контрастъ между днемъ и ночью, между весной и зимою, или лѣтомъ и зимой, между яснымъ и темными тучами покрытымъ небомъ, однимъ словомъ, между свѣтомъ и темнотою, этотъ контрастъ, говорю, произвелъ на душу человѣка громаднѣйшее впечатлѣніе, такъ что онъ олицетворенныя и имъ обожаемыя проявленія природы видѣлъ въ двухъ главныхъ кругахъ, часто враждебно относящихся другъ къ другу. Такимъ образомъ раздѣлялись божества на божества свѣта и тьмы, изъ которыхъ первыя показались ему милостивыми и добродѣтельными, другія страшными, вредными и жестокими. Однакожь довольно часто они мѣнялись этими свойствами. Такая кажущаяся непослѣдовательность происходила изъ самихъ проявленій природы, потому что нѣкоторые изъ нихъ оказывались въ одномъ случаѣ полезными, въ другомъ же вредными, какъ напр. молнія иногда могла быть страшною и вредною въ своихъ послѣдствіяхъ, иногда же могла благопріятствовать плодамъ жаждою страдавшей земли. Точно такъ и солнце, оживляющее обыкновенно всю природу, можетъ быть гибельнымъ напр. для утренней росы, откуда образовался мифъ о Кефалѣ и Прокридѣ или лучами своими истребляетъ обильные плоды земли, откуда произошелъ печальный мифъ о Ніобѣ.

Страшныя явленія природы какъ напр. молнія по большей части вызывали въ человѣкѣ представленія о жестокой борьбѣ между божествами свѣта и тьмы.

Примѣняя эти соображенія къ мифу о Персее, убивающемъ въ своихъ похищеніяхъ страшныя силы природы, олицетворенныя въ видѣ Горгона и морскаго чудовища, легко можемъ убѣдиться въ томъ, что онъ представитель свѣта.

Изъ принадлежащихъ ему символовъ мы узнаемъ, какого именно свѣта онъ представитель; нашъ герой является въ мифологіи между прочимъ и съ дискомъ, которымъ убиваетъ Акрисія; дискъ же символъ солнца. Потомъ на нашемъ памятникѣ онъ держитъ въ рукахъ мячъ, который также считается символомъ солнца.

И глубокая древность въ немъ видѣла божество свѣта вообще, а въ особенности солнца. Разсмотримъ сначала его генеалогію.

Принявъ въ соображеніе, что составленіе подробнѣйшихъ генеалогій было дѣломъ, и притомъ строго обдуманнѣмъ, жрецовъ, которые сочетовали извѣстное количество божествъ по ихъ современному, живому еще значенію въ отдѣльныя группы, каковы: божества свѣта, воды, земли, подземелья и пр. — мы увидимъ что на этомъ основаніи Персей долженъ оказаться божествомъ свѣта, по тому, что предки Акрисія, отца Данаи (напр. Линкея) и отецъ Персея, Зевсъ, изобразители свѣта; въ числѣ же потомковъ Персея мы находимъ, между прочими, Геракла, значеніе котораго, какъ божества свѣта и солнца, не подлежитъ ни малейшему сомнѣнію. ⁴⁹⁾

Кромѣ того, мы читаемъ прямо въ источникахъ, что Персей — Солнце, ⁵⁰⁾ мнѣніе, которое раздѣляютъ и новѣйшіе ученые. ⁵¹⁾

Двинемся теперь однимъ шагомъ впередъ и спросимъ, на какомъ опредѣленномъ явленіи природы основывается представленіе о Персее, будто бы онъ, вмѣстѣ съ матерью Данаею, плылъ въ ящикѣ по широкому морю — а потомъ проживалъ у Полидекта?

Въ греческой мифологіи, которою нарочно ограничиваемся, мы находимъ кромѣ Персея и другія божества, плавающія по морю. Можетъ быть, что они доставятъ намъ желаемый матеріалъ для разрѣшенія даннаго вопроса.

Уже *сочинитель древней эпопеи*: „Титаномахія” упоминаетъ, что Гераклъ плаваетъ по морю въ сосудѣ похожемъ на котелъ (λέβης). ⁵²⁾ Тоже самое описывалъ *Теопомпъ* въ своей потерянной лѣтописи. ⁵³⁾

Писандръ въ своей Гераклеидѣ говоритъ, что чаша (δέπας), въ которой плылъ Гераклъ, принадлежала Геліосу т. е. Солнцу. ⁵⁴⁾

Стесихоръ прибавляетъ другую цѣнную подробность, ту именно, что Геліосъ, Гиперіоновъ сынъ, сидя въ золотой чашѣ (πούριον)

плыветъ въ морскія глубины, гдѣ священная ночь проживаетъ, и гдѣ ждетъ его мать и жена и милыя дѣти! ⁵⁵⁾

Мимнермъ въ своемъ стихотвореніи „Нанно“ пишетъ, что Гелиосъ, засыпая на золотой кровати (слѣдовательно, ночью) плыветъ отъ земли *Гесперидъ* (т. е. съ запада) къ землѣ *Эеіопіи* (т. е. на востокъ) и, когда является утренняя заря, то переходитъ на колесницу. ⁵⁶⁾

У *Эсхила* читаемъ въ одномъ сохранившемся отрывкѣ изъ потерянной трагедіи „Гелиады“, что золотой кубокъ Гелиоса находится на западѣ; въ немъ плыветъ онъ, когда на взволнованномъ пути (т. е. по морю) возвращается на востокъ. ⁵⁷⁾

Ферекидъ прямо высказываетъ, что Гелиосъ передаетъ Гераклу ту чашу, на которой онъ (т. е. божество солнца) вмѣстѣ съ лошадьми обыкновенно плыветъ во время ночи, когда съ запада отправляется на востокъ. ⁵⁸⁾

Паниасисъ въ своей Гераклеидѣ упоминаетъ, что Гераклъ получилъ отъ Нерее (владыки морскихъ волнъ) чашу солнца, и что на немъ отплылъ онъ въ *Эріеіу* т. е. на востокъ. ⁵⁹⁾

И *Антимахъ* упоминаетъ о подобной чашѣ. ⁶⁰⁾

Приведенные нами отрывки дополняются взаимно. Изъ нихъ видно, что ежедневное явленіе восхода и запада солнца и отсутствіе его во время ночи вызвало представленіе, будто бы божество солнца, какого бы названія оно ни было, вечеромъ вмѣщалось въ сосудъ, похожій на лодку, и отплывало къ востоку черезъ море, окружающее, по мнѣнію древнихъ, всю землю; прибывъ же на востокъ оно опять является утромъ „чтобы сіять людямъ и плодородной землѣ“.

Этимъ и объясняется, за чѣмъ Персей плаваетъ по морю, но я долженъ замѣтить, что этому представленію предшествовало другое, древнѣйшее, въ которомъ круглое солнце и кругловатая чаша было одно и то же. ⁶¹⁾ Слѣдовательно, нашъ мифъ находится уже на высшей степени развитія.

Изъ выше сказаннаго нетрудно понять, откуда произошло представленіе, что именно солнце или его изобразитель плыветъ по морю. Съ этимъ фактомъ согласенъ и мифъ о Персее; однакожъ въ дальнѣйшемъ разсказѣ разница большая, по тому что въ немъ

Персей является пойманнымъ и изгнаннымъ изъ отечественной земли, а потомъ, хотя и спасенный, онъ все таки еще не дѣлается свободнымъ.

Эта разница проистекаетъ изъ того, что съ представленіемъ о плаваніи закатившагося солнца *слилось другое*, которое еще существуетъ отдѣльно, только рассказывается о другихъ божествахъ солнца. Они подвергаются подобной же участи; они тоже извѣстное время проживаютъ въ изгнаніи, гдѣ испытываютъ всю жестокость судьбы раба или узника. Такимъ образомъ Аполлонъ, изгнанный съ Олимпа долженъ служить у Адмета, ⁶²⁾ а по другому разсказу у Лаомедонта. ⁶³⁾ Гераклъ также въ рабствѣ у Омфалы ⁶⁴⁾, — Иполитъ же убить Посейдономъ. ⁶⁵⁾ Иногда опредѣленъ даже и срокъ неволи и отсутствія изъ отечественной земли, какъ напр. три или семь или девять мѣсяцевъ. ⁶⁶⁾ Весьма естественно, что причина подобнаго представленія лежитъ въ томъ явленіи, что солнце зимою теряетъ свою власть, оно какъ будто заперто въ окружающихъ его тучахъ, пока наконецъ весною не получитъ своей прежней силы. Такое отсутствіе оживляющихъ силъ солнца во время зимы и его отсутствіе во время ночи слилось въ мнѣи о Персеѣ и Данаѣ, между тѣмъ оба эти отдѣльные представленія, основанныя на отдѣльныхъ явленіяхъ, существуютъ еще въ другихъ мифическихъ разсказахъ, въ видѣ отдѣльныхъ событій. Древніе объясняли себѣ слабое или ничтожное вліяніе солнца во время зимы на природу такимъ образомъ, что благодѣтельное божество свѣта подчинялось силамъ темнымъ и нечистымъ или, что впрочемъ тоже самое, что оно взято ими въ плѣнъ, или продано имъ въ рабство, и потому и служить имъ извѣстное время. Мотивы къ тому, за чѣмъ божество свѣта служить божествамъ тьмы, обыкновенно заимствованы изъ этической области. И такъ рассказывается, что вслѣдствіе нарушенія какого нибудь священнаго закона обыкновенно, вслѣдствіе какого нибудь убійства божество наказывается изгнаніемъ и т. п. ⁶⁷⁾ Въ разбираемомъ нами мнѣи мы видимъ, что Персей запертъ въ мрачномъ ящикѣ; его окружаютъ морскія волны, т. е. темныя тучи. Приплывъ же на островъ Серифъ, онъ тамъ остается еще, пока не soberется съ силами, чтобы въ свое время выступить бойцемъ на небесномъ сводѣ.

Мѣсто-пребываніе Персея—это преисподняя; въ этомъ убѣж-

даетъ намъ основное мнѣніе, что свѣтъ иногда покоряется мраку. На это и указываетъ нашъ мифъ, въ которомъ владѣлецъ острова называется Полидекомъ. Полидектъ же или Полидегмонъ значитъ много объемлющій — свойство обыкновенно приписываемое Аду, Гадесу ⁶⁸⁾. Братъ его Диктисъ, ловящій неводомъ, представляетъ намъ другую сторону Гадеса, и напоминаетъ Харона, перевозящаго въ Адъ души усопшихъ. Диктисъ ловитъ тѣни, Полидектъ же ихъ принимаетъ.

Согласно съ другимъ господствовавшимъ въ древности представлениемъ, будто съ каждымъ новымъ днемъ или съ каждою весною является новое (молодое) солнце; ⁶⁹⁾ божество свѣта непременно должно имѣть свой дѣтскій возрастъ, во время коего покровительствуетъ ему его мать.

Матерью Персея была, какъ извѣстно, Даная. Почти всѣ ученые обыкновенно принимаютъ мнѣніе, что Даная означаетъ землю, которую оплодотворяетъ золотой дождь. Такъ утверждаетъ Гергардъ, основываясь на томъ, что слово „даносъ“ (*δανός*) значитъ „сухой“ ⁷⁰⁾. Но не смотря на то, что такое объясненіе намъ кажется весьма подходящимъ, однакожъ намъ слѣдуетъ подвергнуть его критикѣ, а именно необходимо разсмотрѣть эту часть мифическаго разсказа въ связи съ остальнымъ. Если Даная — земля а Персей — солнце, ея сынъ, то мы не можемъ никакимъ образомъ представить себѣ, чтобы Солнце плыло по морю вмѣстѣ съ землею и чтобы они спаслись опять на землѣ. Потому нѣтъ ни одного мифологическаго разсказа, въ которомъ Солнце являлось бы сыномъ земли. Къ тому же и самый этимологическій выводъ весьма сомнителенъ. Вообще этимологія только при извѣстныхъ условіяхъ, о чемъ здѣсь не мѣсто распространяться, можетъ намъ служить пособіемъ; одно только можно замѣтить, что при этомъ намъ необходимо критически доискаться, какое первичное имя носить объясняемое лицо, такъ какъ очень часто одно названіе замѣняетъ другое. Полагаемъ, что не слѣдуетъ отдѣлять слово Даная отъ „Данаосъ“ и „Данаиды“, потому что Даная, это только женская форма слова Данаосъ, Данаиды же его *патронимиконъ*. Преданіе же говоритъ, что Данаосъ первый открылъ колодезь и безводный дотолѣ Аргосъ надѣлилъ водою. ⁷¹⁾ Слѣдовательно, мы получаемъ совершенно противоположный результатъ, утверждая, что Данаосъ имѣетъ связь

съ водою, а именно съ водою, находящейся въ тучахъ, которая оживляла сухой Аргосъ. ⁷²⁾ Извѣстный же мифъ о Данаидахъ говоритъ, что онѣ наполняли водою дыравый сосудъ. ⁷³⁾ Древніе по своему объясняли происхожденіе дождя; онъ, по ихъ мнѣнію, есть вода, пущенная сквозь рѣшето или сито. ⁷⁴⁾ Въ такомъ случаѣ Данаиды — это нимфы дождя, ⁷⁵⁾ и потому не имѣютъ ничего общаго съ сухостью, развѣ только, что орошаютъ томимую жаждою землю. Изъ этого явствуетъ, что Даная необходимо должна имѣть значеніе дождевой тучи. Мрачная же туча есть мать Солнца на томъ же основаніи, на какомъ бѣлый день — дитя черной Ночи и Эреба т. е. мрака. ⁷⁶⁾ Это опять зависѣло отъ того представленія древнихъ, что прежде всего была темнота, мрачная ночь и только послѣ уже явился свѣтъ — бѣлый день. ⁷⁷⁾ Этимъ и объясняется почему вели счетъ по ночамъ, или почему день начинался съ вечера.

Какъ скоро туча была олицетворена въ видѣ дѣвы то весьма естественно, что въ этихъ позднѣйшихъ представленіяхъ должно было сохраниться что-либо напоминающее ея первичное значеніе, какъ тучи. Вотъ почему нашъ мифъ рассказываетъ въ первой части о *темнотѣ* желѣзномъ валамѣ, а въ другой, что Даная плыветъ въ *мрачномъ* ящикѣ.

Посѣщая женщинъ, Зевсъ часто является въ видѣ золотого дождя. Такъ напр. онъ окружаетъ себя и Геру *золотымъ облакомъ*, изъ котораго падаетъ сіяющая блескомъ роса. ⁷⁸⁾ Алкменѣ онъ является совершенно какъ и Данаѣ въ видѣ *золотого дождя*. ⁷⁹⁾ Представленіе это взято изъ самой сущности грозы, когда во время сверкающей молніи, проливной дождь оживляетъ землю, сообщая ей зародыши будущихъ плодовъ. Въ послѣдствіи это готовое уже представленіе примѣнили къ небу и все что происходило здѣсь съ землею, повторялось на небѣ съ облаками.

Остается еще одинъ Акрисій, въ которомъ Гергардъ видитъ олицетвореніе безразсудства, основываясь на словѣ „акрисія“ (*ἀκρία*). ⁸⁰⁾ Съ этимъ мы никакъ не можемъ согласиться, потому что нашъ мифъ носитъ на себѣ неоспоримые слѣды такой древности, которая еще не умѣла олицетворять отвлеченныхъ понятій. Названіе „Акрисій“ связано съ словомъ „акросъ“ (*ἄκρος*), означающимъ вершину, вообще возвышенное мѣсто. Слѣдовательно, Акрисіосъ можетъ

только быть владыкою высотъ, какъ, и „Superi“ суть боги обитающіе въ небесной выси. Гесихій упоминаетъ, что Акрисій въ фригійскомъ нарѣчій означаетъ „Сатурна“.⁸¹⁾ Такимъ образомъ наше производство находитъ себѣ сильное подкрѣпленіе, тѣмъ болѣе, что и самый мифъ о Персеѣ, выступающемъ въ фригійской шапкѣ, необходимо искать въ Фригійи. Тогда намъ весьма ясно становится почему Даная, изображающая тучу, можетъ быть дочерью Акрисія т. е. Неба.

ПРИМѢЧАНІЯ.

- 1) Bulletino dell' Instituto. 1845. p. 214 sqq.
- 2) Danae. Ein griechisches Vasenbild. Vierzehntes programm zum Berliner Winkelmanns fest. 1854. p. 1—10. Странное замѣчаніе читаемъ p. 11: „Es würde das schicksal der zu tage geförderten antiken kunstwerke ein sehr ungünstiges, im besten fälle das der entfremdung nach Russland (!) oder Amerika gewesen sein, wenn nicht die Campana'sche sammlung zu ihrer würdigen aufbehaltung bereit und behülflich gewesen wäre. Слѣдовательно въ Германіи или Франціи греческіе и римскіе памятники находятся въ своей отечественной землѣ!
- 3) Ib. XIV. 319, 320; Ср. Изслѣдованіе о Персеѣ. Варш. 1872. стр. 1—16.
- 4) Scutum v. 216 sqq.
- 5) Изслѣд. p. 21.
- 6) Ibid. p. 25, 37, 47.
- 7) Ael. Herod. Περὶ μονήρους λέξεως I, p. 8, s. v. Ἀθηνᾶ. Cf. Fragm. Hist. Graec. ed. C. Mueller T. I, fr. 358, pag. 29.
- 8) Clem. Alex. Protrept. p. 29. Frg. H. Gr. I, p. 184, frg. 15.
- 9) Schol. in Apoll. Rhod. Argon. ad v. 1091. Frg. H. G. I, p. 75, frg. 26.
- 10) Schol. Ap. Rh. l. l. Frg. H. Gr. I, p. 72, frg. 13.
- 11) Str. 1, 30. Λόσαντες τὸ μέτρον τὰλλα δὲ φυλάξαντες τὰ ποιητικὰ συνέγραφον οἱ περὶ Κάδμον καὶ Φερεκύδην καὶ Ἑκαταῖον. О другихъ логографѣхъ см. Clem. Alex. Strom. VI, p. 629. A.
- 12) Bernhardt Grundriss d. gr. lit. ed 1856, II, p. 272 Welcker Epische Cyclus I, p. 92.
- 13) Clem. Alex. Strom. IV p. 522. C.
- 14) Dionys. Halic. de comp. verb. Cap. XXVI. Th. Bergk: Poetae lyr. Gr. ed III, T. III, p. 1130.
- 15) Pyth. X. v. 69 sqq. Pyth. XII, 17. Nem. X, 11.
- 16) Schol. ad Pyth. XII, 31. Explic. (Бѣка) v. 18—32.
- 17) Brunk Analecta T. II, p. 525.
- 18) Schol. Apoll. Rhod. v. 1515. Frg. H. Gr. I, p. 75. Hygin. Fab. 64.

- 19) Welker Tril. p. 386. Исследов. о Персеѣ p. 57.
- 20) Tril. p. 378 Ahrens. Aesch. frg. 245, 1. Gerhard Danae p. 3.
- 21) Исслед. p. 54. Дошедшій до насъ отрывокъ принадлежитъ къ трагедіи Данаиды, какъ совершенно справедливо утверждаетъ Наукъ.
- 22) Schol. Soph. Ajax. v. 1. Hesych. s. v. ἀφροδίτη ἄγρα и s. v. ἀνθήμερον. Anecd. Beck. p. 472, 22. Ср. Исслед. p. 63.
- 23) Мнѣніе Велькера, Гергарда и другихъ невярно. Cf. Griech. Trag. p. 348; Gerhard Danae p. 3. Bode Gr. lit. p. 342 и ср. мои возраженія въ Исслед. о Персеѣ p. 60 и слѣд.
- 24) Athen. Deipnosoph. IX, p. 402, B. Ср. Исслед. p. 55, 57.
- 25) Antigone v. 908 sqq.
- 26) Elmsley: Quaterly Review 1819, N. 14, p. 432. Jacobs. Verm. Schriften. V. p. 607—635. Welcker Gr. Tr. p. 636 sq. Eurip. frag. Danae I.
- 27) Welcker Gr. Tr. p. 636. Исслед. p. 71 sq.
- 28) Anthol. Lib. VII, 164.
- 29) Schol. Germ. ad Arat. Phaen. v. 247. Servius Virg. Aen. VII 372. Duc de Luynes. Etudes numismatiques etc. p. 39.
- 30) Servius. Virg. Aen. VIII, 345.
- 31) Schol. Apoll. Rhod. IV, 1515. Alex. Polyh. y Steph. Byzant. s. v. Ἀἰβήτης.
- 32) Herodot. II 91, VI, 53. Diodor. I, 24.
- 33) Здѣсь именно мнѣ о Персеѣ и Андромедѣ судѣлся мѣстнымъ. Cf. Apoll. Bibl. II, 4, 3, 5. Observationes Heynii ad h. l.
- 34) Joannes Antiochenus y Muellera Frg. H. Gr. IV, p. 544, § 18 и пополненіе его свѣдѣній у Свида, пользовавшася Антиохеномъ s. v. Μέδοσσα.
- 35) Herodot. VII, 61, 150. Nicol. Damasc. in Etym. Magno. 180, 43. Frg. H. Gr. III, p. 365, fr. 13. Paus. Damascenus и Joannes Malalas p. 37, 17. Frg. H. Gr. IV, p. 467 sq. frg. 3.
- 36) Herod. VI, 54. Cephalion et Syncell. p. 167 A. Frg. H. Gr. III, p. 625 frg. 1. Euseb. Chron. p. 41, ed Mai. Frg. Hist. Gr. III, p. 626. Joannes Antioch. въ Frg. H. Gr. IV, p. 542, 6, 2.
- 37) Etym. Mag. p. 180, 43. Frg. Hist. III, p. 365, fr. 13. Duc de Luynes, Etudes numismatiques etc. p. 38. Ekhel Doctr. num. veterum II, p. 340.
- 38) Duc de Luynes l. l. p. 46 sqq.
- 39) Wolfgang Helbig: Wandgemälde der vom Vesuvverschütteten städte Campaniens p. 34—36. N° 115—121. Авторъ приводитъ оцѣвншія картины, представляющія Данаю, изъ которыхъ важнѣйшія N° 115, 116, 119, 121. N° 120-й похожъ на N° 119 почти совершенно испорченъ, N° 117, 117-b представляютъ только мотивъ (Данаю) заимствованный изъ мнѣа и служащій къ орнаментации. N° 118 по мнѣнію другихъ Афродита.

Всѣ эти картины имѣютъ особую важность для римскаго мѣста о Персеѣ, Сравни: Guidobaldi: Su tre dipinti pompeiani di Danae e Perseo. Napol 1861. Museo Borbonico II, 36.

⁴⁰⁾ Въ указанной нами диссертациі Гергарда находится вѣрная литографированная копія картинъ изображенныхъ на кратерѣ, которою въ моемъ описаніи я руководствуюсь.

⁴¹⁾ Кампана думаетъ о поясѣ или чепцѣ (haube). Гергардъ, какъ обыкновенно, не рѣшается. Gerhard Danae p. 8, прим. 5.

⁴²⁾ Danae p. 1, p. 5.

⁴³⁾ Danae p. 2 „ein stab“ больше ничего.

⁴⁴⁾ Ibid. p. 8, прим. 6.

⁴⁵⁾ Anthologic. VII, 164, авторомъ ея Пармению.

⁴⁶⁾ Museo Borbonico II, 36. Helbig l. I. p. 35, N° 116.

⁴⁷⁾ Wagner Frag. Eurip. 318. (Ἑρως) φιλεῖ κατὰ πτρα καὶ κόμης ξανθίσματα.

⁴⁸⁾ Pherecyd. у Schcl. Apoll. Rhod. l. I.

⁴⁹⁾ Генеалогія его находится напр. у Гергарда: Griech. Myth. II, p. 234, N° 3, N° 4 и p. 235, N° 5.

⁵⁰⁾ Scholia Tzetz. ad Lycophr. v. 17, p. 296 ed. Mueller: Περσεύς ὁ ἥλιός ἐστιν.

⁵¹⁾ Gerhard Gr. Myth. II, p. 136, § 798: „lichtheld.“. Danae p. 3 „sonnengleich“. Preller Myth. II, 42 и другіе.

⁵²⁾ Athen. XI, 470. B. C.

⁵³⁾ Ibid.—Mueller. Frg. H. Gr. IV, p. 515.

⁵⁴⁾ Athen. XI, 470. B. C.

⁵⁵⁾ Ibid.

⁵⁶⁾ Athen. l. I. p. 469, 470. A.

⁵⁷⁾ Frg. trag. Heliadae.

⁵⁸⁾ Schol. Apoll. Rhod. IV, 1396. Frg. H. Gr. I, p. 80, frg. 33, h. Cf. Apollodor II, 5, 10, 5, и II, 5, 10, 8.

⁵⁹⁾ Athen. l. I.

⁶⁰⁾ Ibidem.

⁶¹⁾ На основаніи апперцепціи.

⁶²⁾ Schol. Eurip. Alc. 1. Apollod III, 10, 4, 2. Preller. Myth. I, p. 168, II, 213.

⁶³⁾ Schol. Pind. Olymp. VIII, 4. Preller l. I. p. 168.

⁶⁴⁾ Pherec. frg. 34. Schol. Soph. Trach. v. 253. Apollodor I, 9, 19, 5. II, 6, 3, 1. Preller II, 157, 158. Frg. H. Gr. II, 35, 21.

⁶⁵⁾ Gerhard Myth. I, p. 223. Cf. Cic. Nat. Deor. 3, 31. Off. I, 10. Иначе Servius Aen. VI, 445—VII, 761. О его спасеніи Paus. 2, 32, 1. Apollod III, 10, 3, 12.

⁶⁶⁾ Разница числа состоитъ въ томъ, сколько времени древніе опре-

дѣляли зимѣ и сколько лѣту, такъ нпр. Апеллонъ отсутствуетъ въ Дельфахъ 3 мѣсяца (Plut. de ei apud Delphos c. IX); слѣдовательно зима по этому счету продолжалась только 3 мѣс.; Гераклъ у Омфали служить 3 года (Schol. Soph. Trach. 253). Одиссея держитъ у себя Калвисо 7 лѣтъ. Въ седмомъ мѣсяцѣ рождается Аполлонъ (Callim. h. in Delum v. 251)—роды же его продолжаются 9 дней. (Hom. Hym. in Apoll. Delium v. 91). Персефона находится у Гадеса 4 мѣсяца. Потомъ, когда забыли первичное значеніе этихъ чиселъ, срокъ неволи опредѣляется произвольно. Нпр. Аполлонъ служить у Адмета одинъ годъ. Объ отсутствіи Аполлона вообще Preller I, p. 157; объясненіе же отсутствія: Schwarz der Ursprung der mythologie p. 105, p. 149.

67) Schol. Eur. Alc. 1. Schol. Hom. Od. p. 23.

68) Πολυδέκτης = Ἀϊδης Hom. Hymn in Cerer. v. 9. Πολυδέμων = Ἀϊδης v. 17, v. 430. Cf. Preller 1, p. 498.

69) Schwartz: Sonne Mond u. Sterne p. 47, 91.

70) Gerhard Danae p. 8. прим. 7.—Myth. II, p. 135, § 797. „Danae ein persönlicher ausdruck des durren, auch in der liebessage Poseidons und Amymonens so (?) geschilderten landes. O Mueller Proleg. p. 185, которымъ пользовался Гергардъ. Удивительно что *δαναός* у него значить „сухой“, а Данаиды водныя нимфы (Quellennymphen). У Преллера II, p. 34. Данаосъ значить „старикъ“; данаиды же „рѣки и источники“ (p. 35); о значеніи Данаи я не нашелъ ничего у него. У Гартунга: die religion und mythologie der Griechen III, p. 54 Данаа — божество земли а p. 189 говорятъ: Danaos stellt sich der Danae gegenüber: beide namen bezeichnen durchreichende feuchtigkeit!

71) Hes. frg. 79.

72) Strabo I, p. 23, III, p. 371. Preller II, 33, 35.

73) Jacobi Myth. II, 219.

74) Schwartz Urspr. d. myth. p. 7.

75) Preller. II, p. 34, 35, 38. Kuhn herabkunft p. 135. Schwartz Urspr. 7.

76) Theog. v. 124.

77) Theog. v. 123 sqq.

78) Ib. XIV, 350.

79) Pindar Nem. X, 15. Isthm. VI, 5.

80) Gerh. Danae p. 7. Welker Tril. 379. Другія объясненія cf Etym. Mag. v. Ἀχρίσιος.

81) v. Ἀχρίσιος.

